

Дара Богинска

18+

ВРАТА
ЧУДОВИЩ

Тёмное фэнтези Young Adult

Дара Богинска

Врата чудовищ

«Издательство АСТ»

2023

УДК 881.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Богинска Д.

Врата чудовищ / Д. Богинска — «Издательство АСТ»,
2023 — (Тёмное фэнтези Young Adult)

ISBN 978-5-17-154569-7

Эта история началась с крошечного свертка, темного леса, доброго священника и уродства. Оставленный на расправу младенец оказался шестипалым, и это значило лишь одно: перед священником будущая ведьма, малефика, чьи способности столь опасны, что неминуемо приведут одаренную к безумию. Это вопрос времени. Место таким детям в малефикоруме, где их обучают, учат контролю и превращают в оружие Церкви. И вот Чонса выросла. За её плечами пройденная война, годы заключения в ожидании казни, сотни выполненных поручений и два доблестных воина, что готовы оборвать её жизнь при первых признаках безумия. Чонса же мечтает об одном: сбежать и вкусить свободу. И древние пророчества складываются в полную возможностей картинку, ведь, когда сами Небеса рушатся и землю осаждают чудовища, каждый показывает свою истинную натуру.

УДК 881.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-154569-7

© Богинска Д., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Словарь	5
Глава 1	7
Глава 2	20
Глава 3	31
Глава 4	42
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Дара Богинска Врата чудовищ

Словарь

Общие термины

Малефикорум – монастырская обитель для обучения малефиков. Самый большой малефикорум находится близ города Дормсмут. В малефикоруме дети проходят проверку на наличие малефеция (Макание), учатся медитациям для контроля эмоций и выхода в Извне (Бдения). По результатам последних испытаний малефики получают знак в виде татуировок на лице. К каждому из малефиков приставляются двое **ключников**, которые будут сопровождать их до конца жизни. В малефикоруме служит белое духовенство. Каждый **ключник** после службы может поселиться в обители и стать наставником.

Малёфик/малёфика – люди, обладающие способностями, выходящими за рамки понимания общества. Их происхождение окутано тайной: так, одни считают их потомками Марвида, другие – детьми языческих богов, третьи – выходцами из древнего племени шаманов. В Бринморе малефики находятся под опекой церкви Вознесения, обучаются в малефикорумах и всегда появляются в обществе двух ключников. Представители в книге: Чонса, Данира, Лукас, Дебби, Кэйлин.

Малефэций – пятый гумор, по мнению некоторых медиков проистекающий в жилах малефиков, именно он отвечает за их способности, мутации и склонность к безумию.

Кость Мира – артефакты, блокирующие малефеций. По легенде – это кости Святого Малакия. Ключники носят их в виде украшений в теле (в основном – серьги), украшают ими оголовья ритуальных ножей; чёрное монашество в качестве проверки веры получает отметину между бровями в виде костяного ромба. Кости Мира закладывают в некоторые святы места – так малефики не могут переступить их порог.

Чёрное безумие – избыток малефеция вызывает безумие, распространяющееся от малефика подобно моровому поветрию. Оказавшись под влиянием злых сил, люди причиняют ущерб своим близким и себе. Наиболее опасны необученные ренегаты: люди, владеющие малефецием, но не прошедшие обучение в малефикоруме.

Извне – астральный план, куда способны выходить малефики в результате обучения, чтобы проникнуть в закрытые места, передать послания на расстоянии, а некоторые, особо одаренные – увидеть прошлое или будущее.

Религиозные термины

Добрый Бог – существо, по вере Бринмора, создавшее мир, победившее языческих богов и демонов и породившее человеческий род, первые из которого стали его Пророками.

Его (Доброго бога) Пророк – он же *Малáкий*, он же Великий Ключник, он же Первенец; ключевая фигура в бринморской религии, полторы тысячи лет назад сразил Зло в лице своего второго брата *Марвида* и запер его в небесной тверди. Звезды – это замки, которые он затворил ключами из собственных костей, пожертвовав собой.

Святые – апостолы, почитаемые религией Бринмора. К ним относятся Такде, Мэлруд (родоначальник королевской семьи), Миколат, Лоркан и Отис. От них ведут свой род Высокие дома.

Белое духовенство – к ним относятся ключники и епархиальное духовенство. Всё белое духовенство должно пройти этап ключников (или принять участие в военных действиях) перед тем, как они получают светскую должность. Это называется Паломничество.

Ключники – специально обученные воины, путешествующие с малефиком. Кость Мира делает их невосприимчивыми к малефеции, что позволяет им пресечь злодеяния малефика в случае его безумия. Появились после Тёмных времен из расформированной Инквизиции. Их можно узнать по жёлтым плащам. Представители в книге: Брок, Джо, Лидия, Гилберт, Йоль, Аларик.

Викарий – обращение – Ваша Святость, глава объединений малефикорумов. Представители в книге: Феликс.

Алый епископ – обращение – Ваше Преосвященство, глава малефикорума.

Прелат – обращение – Ваше Святейшество, светский представитель церкви (белого и черного духовенства), советник при дворе короля. Представители в книге: Тито.

Чёрное духовенство – монашество, соблюдающее целибат и поставившее целью своей жизни службу Церкви. Они редко покидают пределы монастырей, являются хранителями легенд и преданий. Среди них множество историков и врачей.

Глава 1

Чёрное безумие и варенье

Есть большая вероятность того, что в теле малефиков циркулируют пять гуморов, а не четыре. К крови, флегме, черной и жёлтой желчи добавляется так называемый малефеций – сиречь квинтэссенция их силы. Эта жидкость горячее крови, оттого её избыток и застой творит из людей безумцев, а боль их делает столь же невыносимой, как при аутодафе. Наученные же благоразумно использовать малефеций люди позволяют этому соку течь свободно, не застаиваться, оттого следует обучать их сизмальства. Одно же неизбежно – в материнском чреве дитя не способно использовать отравляющую тело и рассудок жидкость, что позволяет нам легко распознавать будущих малефиков вследствие врожденных мутаций.

По сей же причине сожжение малефиков в Тёмные времена имело такой эффект – из-за малефеция горят они лучше простых смертных.

Трактат «Об анатомии» Константина Скорцо

Пятнадцать миль по бездорожью, три дня метели и всего один взгляд на лицо. Лишь это – и надвинутый на брови капюшон – отделяли Чонсу от людской ненависти.

Мужчина, которого она сняла в публичном доме в Аэрне, чтобы хоть на пару часов скрасить свое одиночество, сказал ей:

- Ты была бы красива, если бы не твоё лицо.
- Это из-за татуировок? – спросила Чонса.
- Нет. Из-за глаз.

Он не пояснил, что не так с её глазами. А ей не хотелось спрашивать, не хотелось слышать банальную чепуху из плохих романов про то, что в них лед, или что они неживые, или еще что-то такое. В конце концов, она не за это ему платила. Да и глаза у нее были самые обыкновенные, цвета пыльной травы. Она стянула с парня тонкую рубашку, он распустил шнуровку на её темном шерстяном платье. Чонсе понравилось, что он не отдернул руку, когда она сплела их пальцы. И ещё больше понравилось, как он смотрелся снизу.

Но всю дорогу до Рейли она никак не могла выбросить из головы его дурацкую фразу про глаза. Глупая. Скажи она об этом своим сопровождающим – те ответили бы, что не пристало малефике занимать мысли этой дурью. Малефики вообще, как известно, существа бесполое. Не оттого ли просьба Чонсы в Аэрне вызвала у Брока такое недоумение? Словно он увидел, как заговорила кумжа¹ под томленным луком во время обеда. Хорошо, что Колючки не было в тот момент за столом. Она предвидела выражение омерзения на его невероятно высокомерном лице. Чонса считала мальчишку слишком холеным для дороги, слишком изнеженным, слишком красивым для ночевки под открытым небом. Парнишку вроде Колючки скорее можно было встретить в борделе – мягкие кудри цвета белого золота у высоких скул, оливковая кожа и породистый нос, который ни разу не ломали.

Три дня метели – и всего пара слов за это время.

Первое:

- Держи, – когда Колючка Джо протянул ей плоскую горячую картофельной похлебки.

И:

¹ Проходная, озёрная или ручьевая рыба из семейства лососёвых.

– Приехали, – когда их лошади выбрались из сугробов на более-менее различимую тропинку у предместий.

Можно ли было назвать «предместьями» Рейли, если единственной крепостной стеной здесь служила монастырская ограда? Её было видно издалека. Серый камень потускнел, пропитался чернотой грибка и зеленью плесени, и даже выпавший снег не придавал ему сколько-либо радостный вид. Спутники Чонсы выделялись на фоне блеклой и чумазой деревенщины своими жёлтыми плащами.

Местные разделились на два лагеря: наблюдатели и равнодушные. Первые не отводили глаз и едва не сворачивали шеи, а вторые с той же настойчивостью игнорировали прибывших. И те и другие ахнули и попятились прочь, стоило капюшону упасть с её головы.

Чонса тут же усмехнулась и перегнулась через седло к Колючке Джо – своему молодому спутнику.

– Это из-за следов от подушки на лице?

Джо закатил глаза и не ответил. С тех пор как Брок его приструнил («Не лезь, завшивеешь!»), он совсем перестал болтать с ней. Словно она путешествовала по Бринмору не с одним, а с двумя стариками.

В торжественной тишине они спешили, и Чонса пару раз присела и потянулась с блаженным стоном. Народа вокруг прибавилось. Вопреки ожиданиям, гнилой картофель в нее не полетел, но только потому, что жители отдаленных деревень вроде этой знали цену провианту. Вскоре люди устали бояться и сплетничать, и разошлись по своим домам. Тем более снова началась метель, такая липкая и густая, что мужчина, явившийся перед ними, возник словно из ниоткуда. Его плащ был обшит рябым росомашьим мехом. Он запыхался, раскраснелся, полные щеки аж пятнами пошли. Чонсе он напомнил сурка.

– Ах, господа ключники! – улыбнулся он мужчинам, стянул с совершенно лысой головы шапку и прижал ее к груди, кланяясь. – Меня зовут Гектор, я прислужник владетеля Лимы. Это он прислал за вами. Мы так давно вас ждали, хвала Великому, вы добрались!

Брок кивнул и слегка поклонился в ответ. Его высокий лоб покраснел от мороза. Сказал:

– Проводите нас к жертвам.

Чонса тоскливо вздохнула. Она надеялась выпить горячего чая перед работой. Или чего покрепче.

На вдохе она поймала отголосок странного запаха, по остроте своей похожего на лимонное масло, только красное. Кислятина. Видеть запахи – это странно, но со временем привыкаешь: Чонса прикрывала глаза и слабо потянула носом, ведя головой из стороны в сторону подобно чуткой хищнице. Это было привычное, рефлекторное движение, вроде чихания от молотого перца.

Лысый Гектор в росомашьей шубке словно пропитался страхом. Любопытно.

Суется, то и дело упоминая своего владетеля², что жил в замке Лима к востоку от Рейли («Ах, он так занят, нынче сезон охоты за лисами, зима холодная и шубка у зверей что надо, а супруга захворала после родов, суета, ужасная суета, господа ключники!»), он провел их под самые стены монастыря, всю дорогу игнорируя Чонсу. Кажется, он заметил её, только когда девушка споткнулась у самых серо-зелено-черных стен, не в силах сделать шага.

Малефика потрясла головой, пытаясь избавиться от настойчивого звона в ушах. Брок не сразу заметил её отсутствие – это прислужник вопросительно коснулся его плеча.

– В стенах костяная пыль, верно? Она не сможет войти, – пояснил старик.

– Ах, – тут же спохватился Гектор, и у малефики дернулось веко от этого его театрального вздоха. – Ах, как я мог забыть! В этих стенах зубы самого Великого Малакия! Зло здесь не тронет вас, но и проникнуть не может, само собой.

² Правитель монархического государства, области, феода.

«Зло».

Чонса зашипела от боли, что пришла на смену звону в ушах, и оперлась о серый круп своей лошади.

Святые мощи и нечисть, неспособная к ним приблизиться. Проклятые мощи! Те же самые, что вдеты в уши Брока и Джо в виде костяных колец, они никак не позволяют ей, милой Чонсе с красивым – если бы не татуировки и глаза – лицом залезть к ним в головы и заставить их содержимое свернуться белком яйца в кипятке. Иногда это желание становилось навязчивым, в хорошие дни – отступало, но никогда не покидало её насовсем.

– Я здесь подожду, – наконец проскрипела она, не узнав собственный голос.

– Ну вот еще. Ты пойдешь с нами, – сухо приказал Брок. Подумал, поскреб седую щетину и кивнул Джо. – Побудь с ней, пока она не придет в себя.

Джо беспрекословно подчинился и передал поводья всех троих скакунов Гектору. Тот попутался и поклонился ему, как лорду. Чонса не сомневалась, что рука у прислужника была потной и горячей. Колючка сделал вид, что не заметил его смущения, и повернулся к малефике. Снег плотным слоем осел на его плаще, белой короной лег на золотистые волосы.

Джолант тоже был бы красив, если бы не глаза. Колючие, непроницаемо-тёмные. Чернее их Чонса никогда и ничего не видела, даже ложась спать зимней ночью и пытаясь понять, опущены ли у неё веки в этой непроглядной тьме.

– Приступай, – сложил руки на груди парень, холодный и отчужденный.

Выбора не было. Ей не хотелось ждать, когда просьба встанет острием ультиматума у её горла, поэтому она подогнула колени, села в сугроб и вышла из собственного тела.

Стены были янтарными, как желток. Лысый Гектор ошибался – не в них святые мощи, а прямо под ногами Джо. Ларец горел, переливаясь разноцветными всполохами. Извне мир казался стертым, словно набросок смазали ребром ладони. Лица Джоланта не разглядеть из-за осколка Кости Мира в ушах. Там, где древний артефакт крал силы малефики, её зрение и чувства, оставался только свет. Он рассыпался разноцветной чешуей и медленно гас, напоминая искры костра или блики на поверхности пруда. Отчего-то Джо сиял сильнее Брока. Тот был весь – обтянутый мускулами скелет, высокий лоб и вечно насупленные брови, синий блеск на седых ресницах от пронзительного цвета радужек.

Метель стекала по ступеням в подвал. Монахи в кельях виделись ей светящимися, бьющимися словно в конвульсиях клубками плоти. Кости Пророка были вшиты в них третьим глазом, выпуклым пятном между бровями – там, где у девушки располагался ромб татуировки. Чонса не могла ничего сделать, никак себя выдать, она вне тела – всего лишь бездушный фантом, который застрял на изнанке мира. Лишь потянулась за Броком и увидела, как он целует протянутую руку священника. Тот кивнул и отпер дверь в подземелья.

Чонса резко вздохнула и сделала незримый шаг назад. Боль. Безумие. Люди привязаны к лавкам, окурены дурманом, опоены алкоголем. Брок прикрыл лицо рукавом. Запах трав такой сильный и душный, что она с трудом разобрала в букете мандрагору и белый шалфей. Монах передал Броку маску с плоско висящим вороньим клювом. Он прижал её к лицу и провел обычный быстрый осмотр: глаза, зубы, горячность лба. Жертв шестеро. Живых – двое. Увы, это не было похоже на корчи от плохого зерна, несчастных выдавали глаза, стеклянные и полные ужаса до краев.

– Мы уже похоронили троих, – поправил подсчеты монах.

– Кем они приходились безумцу?

– Погибшие работали с ней в лавке. Её сестра, дядя и тетка. Остальные, видимо, по пути.

– Девушка. Сколько ей?

– Двадцать.

Слишком много. Она была упрямой. Не все могут противиться малефецию, этой проклятой силе, так долго. Но всё равно это случилось, и теперь за несчастной следовала зараза хуже чумы.

Чёрное безумие не поддается лечению. От него невозможно спрятаться под маской или отсидеться в подвале, можно только поить заболевших ядами, чтобы они умерли безболезненно. Это единственный вид милосердия, который остается, когда разум горит от пугающих видений и боли. Иногда – буквально, ведь когда Брок склонился ниже, Чонса ощутила запах вареного костного мозга. Пришлось отогнать от себя воспоминания о столичном ужине – Брок взял рульку, ложкой выскребал белесое желе из осколка толстой свиной кости. Его губы блестя, прищипывали. Хорошо, что Чонсе запрещено религией есть мясо. Якобы поглощение плоти способствует ускорению прихода бешенства.

– Вы сохранили им жизнь. Это разумно. – Старик наклонил голову к плечу и приказал: – Сможешь взять след, Ищейка?

Это не было разумно! Это жестоко. Несчастливым было холодно, страшно, больно. Мальчишка лет двенадцати лежал вовсе без движения и немигающим взором смотрел в потолок. Если бы у него не дрожали длинные белесые ресницы, Чонса бы подумала, что он мертв. Его зрачки были узкие, словно потекшие, и малефика вспомнила о жидком от нагрева меде на столичных булочках.

Надо было все же поесть перед работой.

В глазах мальчика отражалась тень, замерший женский силуэт. Правда ли, что на склере отпечатывается изображение последнего, что видел человек перед смертью? Волосы растрепались, грязные, мышинные. Лицо худое, нос орлиный, не красавица – если бы не глаза. Они у неё были потрясающие, яркого синего цвета, почти что фиолетовые. Густое безумие кровью стекало с ножа в её руке. Несчастливая еще не поняла, что для убийства ей не требуется оружие.

Она была не одна – прижимала к себе девочку лет семи.

– Уйди, – шептали губы. – Уйди, ты не видел нас!

На девочке, которую обнимала ренегатка, были надеты дорогие вышитые башмачки с острыми носами. Странно, но она совсем не боялась, ей просто было интересно. Безумная напоминала ей мать. У них были одинаковые глаза, между ресницами – будто шарики из лабраторита.

Девочка скучала по маме. А Дебби – по сестре. Несчастливая ещё не поняла, что сама убила её.

– Дебби, – повторила она вслух. Имя, похожее на озноб.

Дебби пустилась наутек. Мальчик, чьими глазами Чонса смотрела, бросился вслед за «маленькой госпожой» – так он называл хозяйку красивых башмачков, прямо сейчас, вслух, а дальше – «бам».

Чонса успела одернуть себя, но все равно ощутила головокружение, переходящее в тошноту, тошнота – в страх, страх – в боль, а боль – в дрожание белесых ресниц. Он до сих пор чувствовал ее, просто не мог корчиться и кричать, как другой несчастный в мертвецкой.

– Вначале мы подумали, что это ведьмина корча, – повинился монах. – Только потом нашли трупы.

Брок цыкнул.

– И только потом отправили голубя в Лиму? Сколько времени прошло?

– Три дня.

Три дня бегства. Три дня метели. Без дня неделя.

– Мы позаботимся об этом, – обнадежил Брок поникшего монаха и добавил тише: – Можете избавить их от мучений. Чонса, ты всё?

– Да.

Чонсу вырвало. Она успела наклониться вперед, и кислая желчь выплеснулась не на неё, а на сапоги Джо. Ключник, вздрогнувший от неожиданности, придержал девушку за плечо и зашарил по поясу, но кожух с водой остался у его седла. Он обтер её бескровное лицо снегом.

– Дебби, – пробормотала девушка, отфыркиваясь от талой воды. – Её звали Дебби.

Её могли бы звать Чонса, если бы не цепочка событий, приведшая Шестипалую в малефикорум.

Первое: она родилась с уродством.

Второе: родители оставили её умирать в лесу.

Третье: она очень громко кричала.

Чонсу вырастили ключники, дали ей имя – северянское, означавшее «волчица», ведь нашли её воющей в лесу. Когда проявились её способности, они были готовы, а она – достаточно дисциплинирована, чтобы не сеять чёрное безумие. Шестипалая, однако, знала, что рано или поздно её ждет, ведь среди малефиков неспроста нет стариков. Ни одного. Все без исключения заканчивают жизнь, до этого принося горе и боль тем, кто их окружает.

Заглядывая в лицо Дебби в видениях Извне, Чонса видела свой приговор. С малых лет она знала, что сила сведет её с ума, слишком великая и ужасная для слабого человеческого мозга.

Заглядывая в глаза Дебби, она видела свои – цвета тины на северных болотах. И от этого ей было очень страшно.

Времени прошло слишком много, и теперь его не осталось ни на отдых, ни на обед. Чонсе предстояло вести поиски пропавшей, а она уже чувствовала себя выпотрошенной: не так просто войти в закрытый мощами монастырь, даже *Извне*. К счастью, он был единственным святым местом во всей округе, что звалась Лимским наводьем. Стоило им спуститься обратно к Рейли, Шестипалая почувствовала себя лучше. В деревне царило оживление. Дети, вопреки зарокам матерей, бежали следом, улюлюкая и бросаясь с криком врассыпную, когда Джо раздраженно оглядывался.

– Мелкие засранцы, – рычал он. От голода Джолант становился неистовым, как медведь-шатун. Брок добродушно хмыкнул:

– Всего лишь дети. Ты был таким же.

Чонса наострила уши. Брок редко бывал миролюбив и еще реже говорил о личном. За все время совместных путешествий малефика узнала о спутниках всего ничего: Броку шестьдесят три, он самый старый ключник во всем Бринморе, а у Джоланта аллергия на орехи. Старик был ветераном Шорской войны, как и Чонса, и пережил дюжину малефиков. У Джоланта она была первой, и это породило множество шуток с её стороны.

Она предполагала, что Колючка – девственник.

Колючка предполагал, что ей к лицу будет камень на шее и объятия сточной канавы.

Брок предполагал, что им надо снять комнату.

Увы, Джолант не стал поддерживать ностальгию Брока. Он ускорил шаг и поравнялся с Чонсой.

– Ты как? – негромко спросил он.

Отвратительно. Снег прекратился, начал таять и скользить под ватными ногами. Вокруг все было такое белое и слепящее глаза, что взгляду негде было отдохнуть – облепленные белым деревья, обсыпанные белым горшки на оградках, даже небо и то белое. Скорее бы стемнело!

Чонса томно вздохнула и привалилась к плечу Джоланта. Они были одного роста – девушка была высокой и плечистой северянкой. Шестипалая подняла на него мокрые ресницы:

– Понесешь меня на руках, доблестный рыцарь?

Джо отвел шею в сторону от малефики и стеснительно опустил глаза. Это мило, что он все еще смущается, а потом – раз, два, – злится на ее провокации:

– Ну нет. Топай!

Она могла бы оскорбиться, но разыгрывать спектакль не было сил – даже поднять руку, чтобы ткнуть пальцем в белую пустошь перед ними, оказалось тяжело.

– Лима в той стороне?

Гектор не мог оторвать взгляд от её указующего перста. Ему потребовалось трижды моргнуть, чтобы осознать вопрос.

– Д-да, там. Только тут дороги нет, нам придется обойти с другой стороны.

– Прекрасно! – кивнула Чонса, подобрала длинные полы черного шерстяного платья и вступила в сугроб, поглотивший её ногу почти до колена.

Сине-фиолетовый след. Дебби бежала где-то здесь, прижимала к себе несчастное дитя, которое тоже отберут, осквернят, а она не может позволить этому случиться. Чонса мотнула головой, сглатывая горечь.

О, Добрый бог и его Пророк, хотелось надеяться, что Брок и Джо даруют ей быструю и безболезненную смерть.

Западный Бринмор – земля полей и лугов, здесь нет непроходимых лесов и чащ, зато есть топи и чуть дальше, за Лимой, на границе с Соляными Графствами, торфяники. Летом они дымились – в жару испарениями, в невыносимую жару – плотным пепельным чадом. Лимское наводье было царством лис, зайцев, мышей и утопленников. Деревянные мостки уходили в землю раньше, чем успевали положить новые. До того, как брины облагородили эти места, здесь жили степняки, и их следы были стерты не до конца. Примерно в получасе ходьбы Чонса обратила внимание на косо торчащий из земли столб, издали принятый ей за одинокое старое дерево. Идол был испещрен знаками и рисунками. Она оперлась на него рукой, переводя дух, и почувствовала под ладонью угасающее тепло старой веры и резьбу, оформившую глубокие линии в мужской половой орган. Невольно Чонса вспомнила короткий отдых в Аэрне, и не смогла воскресить в памяти лица парнишки-шлюхи. Она запомнила только свою мысль про то, что Джо смотрелся бы не хуже на его месте: с тонкими золотыми цепочками, оттеняющими смуглую кожу, с узкой талией, с жёсткой усмешкой. Она представляла его нежащимся в дорогих шелках и поедающим персики. От этих дум ей стало немного теплее. Славно. Не хватало еще простудиться, в такой-то сырости. В голенища набилось снега, подошвы вымокли в непромерзающей болотной жиже. Спутникам было не легче, но они стойко выносили любые неурядицы пути, лишь несчастный Гектор задыхался, как маленькая собачонка, сброшенная с вышитой подушечки в разгар охоты.

– Ах, мы так скоро, – хрипел он, – до самых Соляных графств дойдем. Госпожа малефика точно не решила нас погубить в топях?

В его ироничном вопросе иронии было с наперсток. Чонса не удержалась от широкой недоброй усмешки, вышло кровожадно, Гектор вздрогнул и его росомашья шубка пошла рябью.

– Вы могли бы остаться в монастыре, – заметил Брок. – И идите сзади. Вы не воин.

– Увы, господин Лима повелел мне проследить за исполнением приговора лично.

– Эта лавочница была так важна?

– Не она, – подала голос Чонса, переставляя ноги, – а девочка, которую лавочница украла. Давайте, милый Гектор. Скрасьте дорогу, расскажите, что здесь происходит.

– Госпожа! – Они тронулись в путь, и хриплое «жа-а-а» на выдохе напомнило звук, с которым спускают кузнечные меха. Снег хрустел под ногами громко и влажно. Гектору пришлось повысить голос, и тот стал тоненьким и звенящим. Чонса почувствовала запах его пота: миндальная пудра и розовое масло. Гектор был евнухом. – Клянусь именем Малакия, его милость не мог позволить черному безумию разгуливать по его землям!

– Что за девочка? – непонимающе нахмурился Брок, обернулся к службе и придержал его, оступившегося, за локоть. Со стороны выглядело по-другому, будто стиснул и подтянул

к себе ближе. Чонса давно заметила: всё, что говорил старик, звучало как угроза. Всё, что он делал, напоминало прелюдию к насилию. Почувствовав это, Гектор тихо заскулил.

– Его милость в самом деле ожидал гостей. Ах, дражайшие, я не знаю, кого именно, но нам велели готовить покой... Лучшие, что есть в замке.

– Лучшие покои для какой-то девочки? Она что, его выродок?

– Вы что! Его милость – святой человек, он бы никогда не предал свою жену, тем более та недавно родила...

– Ну-ну, – хмуро протянул Брок и крикнул Чонсе, угрюмо продолжающей свой путь во главе процессии. – Ищейка, будь осторожна! Если девочка так важна, лучше бы нам держать ухо востро.

– «Буть остолозна», – тихо передразнила малефика. – А я-то подумала, что ты в кои-то веки волнуешься обо мне...

Всё это не имело никакого значения – болтовня, шутки и неприкрытая ложь Гектора – ведь если Ищейка и умела что-то, так это идти по следу. Ощущение безумия и отчаяния чувствовалось ей так же явственно, как текущий по спине пот.

На север. Да, тут пахнет сильнее.

Шаги скрипели. Снова пошел снег, мокрый и теплый. Рыжеватые отросшие пряди липли к лицу Чонсы, лезли в глаза. Она убирала их за уши, но они все равно освобождались, прямые и тяжелые. В конце концов Шестипалая опустила ресницы и пошла только по запаху.

– Что вы знаете об этой лавочнице? – устав от тишины и звуков пыhtения, спросил Джо.

– Да ничего. Обычная девка. Осталась сиротой, её дядя пригред под крылышком, заботился, одевал...

– Какой сердобольный. И вторую сестричку не забыл, да? – пропела Чонса. За годы путешествий она всякого насмотрелась. Гектор тоже – не дрогнул, не стал божиться, только тоскливо вздохнул, скорбя о крестьянской нравственности.

– Ах, кто ж теперь скажет... Ни племянницы, ни дядьки...

Глаза все еще жгло от белизны, на губах горчило от слез и пота. Чонса зачерпнула снег и растерла себе по лицу, а после заметила что-то в десятке метров в стороне. Темнели глубокие мазутные шаги, дальше виднелся долгий росчерк грязи – прямо под ними болото, достаточно вязкое, чтобы женщина с ребенком на руках провалилась по пояс. Следы были запорошены снегом, но Чонса сняла с высохшего зонтика цыкуты³ пучок растрепанных шерстяных ниток. Перетерла в пальцах. Поднесла к носу, сделав глубокий вдох...

– Сестричка... Отведи меня к дяде Лиме.

– Да... Да, конечно. Все что захочешь.

...ругнулась сквозь зубы, так грязно, что на Гекторе задымилась шапка.

– Возвращаемся.

– Но... Ведь...

– Возвращаемся в Рейли! – Чонса передернула плечами, дыбом поднимая шерстяной воротник плаща. – И там, милый Гектор, ты отправишь голубя в Лиму. А мы передохнем и галопом в путь. Черт, как жрать-то хочется...

Чонса сердито пнула снег, засыпая им некрасивое пятно грязи и цепочку шагов.

Брок первый прошел мимо застывшего евнуха, шипя и ругаясь себе под нос. Джо молча развернулся за ним следом, а Чонса задержалась – положила ладонь на плечо Гектора, и тоже пошла, стараясь наступать в уже протоптанные следы.

Если бы Гектор не был толст и лишен выносливости (читай – пунцовый от нагрузки, как кровь ягненка на алтаре язычников), он бы побледнел. А так – только открыл глаза шире

³ Широко известный как водяной болиголов, представляет собой род из четырех видов высокотоксичных растений семейства *Aristolochiaceae*.

возможного и его «Ах!» прозвучало карканьем. От страха за своего господина или от того, как легла на его плечо уродливая шестипалая ладонь проклятой девки – почем знать?

– Лима... Я правильно понимаю – это название местности, замка и дворянское имя? У картографа было туго с фантазией или у ландграфа богато с самомнением?

– Кто ж знает.

Таверной управляла самая крупная и самая рыжая женщина во всем Бринморе. Руки у нее были огромные, красные, покрытые багровыми пятнышками веснушек, а голос звучал ниже и мощнее военного рога. Видимо, из-за своей мощи она совсем не боялась малефику и даже могла поддержать разговор: неумело и скупо, но без стеснения. В общем, Чонса почти влюбилась. Кроме их троих и дородной хозяйки в питейном заведении едва ли мог поместиться кто-то ещё. Видно было, что домишко пусть и был сколочен на совесть, но у совести этой было бедно в кошельке. В столице Чонса видела псарни больше, чем рейльская таверна. У неё даже не было названия! Да и зачем, если на всю деревню есть всего одно заведение, где можно пропустить по чарке.

Пшеничная каша была густо замешана с медом, ключники обглаживали мясо с костей, плащи исходили паром у очага. Гектор отправился в монастырь – там была голубятня с птицами из Лимы. Продрогшим путникам бесплатно налили теплого грога, от которого Чонса стала разговорчивой и веселой, вопреки всей мрачности текущей ситуации.

– Расскажи про эту лавочницу. В таверне слухи жужжат, как мухи.

Великанша из Райли (почти на голову выше кобылицы-Чонсы!) недобро покосилась на Шестипалую, но со вздохом ответила:

– Хорошая девка была. Тихая и скромная.

– Раз так, то что же к ней никто не сватался?

– Сватался, да дядька не пускал. Строгим был и жадным, мир праху его. Рабочих в лавку нанимать – это платить надо, а так задарма помощница. Одна, потом вторая растет...

Хозяйка нахмурилась, густо сплюнула на стойку и принялась растирать тряпкой. Под платьем с вышитыми на груди цветочками от движений туда-сюда перекатывались мускулы. Грубое лицо выразило работу мысли:

– Я вот как думаю. С тем, что её ублюдок насильничал, она, может, и могла смириться. А вот потянул он к сестре лапы, она и того...

– Так сестра же совсем ребенок была, да? – Чонса тоже свела брови.

– Семь лет.

Её поразило, с каким спокойствием крестьянка говорит о таких вещах, как насилие, кровосмешение и убийство. Понятно Чонса – она прошла через войну, охотилась на людей и делала много плохого, но у всего была цель и смысл. В низах же все происходило само собой. Инстинкты и грехи сливались воедино, и их продуктом стала Дебби.

Почему соседи, звавшие обо всем, не вмешались? Не дали лавочнику тумачков, не напустили судебной расправой? Неужели все в Рейли жили так, что эта ситуация не была чем-то выдающимся? Быстрее бы разобраться с этим и умчаться обратно – Чонса скучала по парильням в столичном малефикоруме и сейчас хотела смыть с себя больше, чем пот и лошадиную вонь.

– О гостях ландграфа не слышали?

– Трое, как вас. Мальчишка живой был...

Дрожание белесых ресниц, «маленькая госпожа»... Чонса глотнула грога – уже остывшего, но все еще вкусного.

– Ну, уже нет, – легкомысленно пожала она плечом. Алкоголь приятно туманил рассудок. Раздался скрип дверей, и розовая голова Гектора просунулась в таверну.

– Господа ключники, отобедали? Наши лошадки готовы!

– А голубь? Улетел? – Брок вытер пальцы о стол и тяжело поднялся. Чонса знала, что от этой погоды у него болели скрипучие кости, но он никогда не жаловался и не просил у малефики лекарств. Слишком гордый – этот довод пока перевешивал ту сторону весов, где было «слишком дряхлый и больной». – Написали, как сказано?

– Конечно, господин! Врата закрыть, пришлых девок не пускать... Ох, Добрый боже, надеюсь, что еще не слишком поздно...

Пусть разум малефики и был слегка затуманен алкоголем, она трезво оценила, что надежда Гектора напрасна. Дебби уже наверняка достигла Лимы, а если так, то врата будет закрыть некому. Черное безумие – болезнь заразнее чумы и страшнее лепры. Оно распространяется, как яд по рекам, заставляет людей сходить с ума и делать самые кошмарные вещи, на которые может толкнуть невыносимая мука. Чонса своими глазами видела, как обезумевшие рассекали себе головы камнями и запускали руки в собственные мозги, пытаясь достать из них источник боли. Распространение бешенства могла прекратить только смерть первопричины.

Каждый малефик носил в себе семя разрушения. Неудивительно, почему их держали под постоянным присмотром двух ключников – если бы Чонса сошла с ума, один бы отвлек ее, а второй положил конец ее мучениям. Вся троица просыпалась и засыпала в ожидании этого момента.

Неудивительно, что Чонсе не хотелось выходить из объятий питейного заведения. Не только из-за дурной погоды, но и потому что Лима будет еще одним напоминанием неизбежности конца.

И все же она запрыгнула в седло, расправила по штанам длинный подол и поплотнее закуталась в теплый плащ.

– С богом, – шепнул Брок, прежде чем они пустились в галоп.

Врата Лимы были закрыты.

– Это же хороший знак? А? Хороший знак? – нервничал Гектор.

Плохой. Они торчали под вратами уже полчаса и им никто не открыл. Они стояли на узком мосту, должному пролетать через ров, но вместо него стелилось заledenевшее болото. Замок был мал и высок, архитектор явно был не из Бринмора. Будь Чонса более образованной в области строительства, предположила бы влияние Сугерии. Слишком вытянутые строения, узкие опоры, стрельчатые своды темных крыш и явный избыток остроконечных башен, напоминающих шляпы древних волшебников.

Чонса продрогла от влажности, которой исходила болотная земля. Хуже места для замка не придумаешь. И как крепостные стены не утонули в топи? Неужели фундамент так глубоко, что достал до самих костей каменных великанов? Это нелогичное объяснение казалось единственно верным, ведь даже ступая по тракту, они чувствовали, как шатается под ними тропа. Черно-белый пейзаж разбавляли островки высохших полевых бурьянов. Топь, снег, цикута – и запах, который Чонса не спутала бы ни с каким другим. Тянуло моровым поветрием. Никто из путников не понимал, почему Шестипалая прячет позеленевшее лицо в воротник. Вонь. Счастливицы, лишённые всей остроты чувств, как же она им завидовала.

Пока Джо драл глотку, пытаясь докричаться до стражей, Чонса оперлась локтями о переднюю луку седла, до хруста потягивая спину.

– Бесполезно, – проскрипела она. О, нет. В горле чесалась простуда. Отклонившись в сторону, она высморкалась – чертовски неприлично, судя по тому, как здрогнул притихший в путешествии Гектор. Она обратилась к нему: – Здесь есть другой вход?

– Это крепость, – уязвленно заметил внук, – тут не может быть другого входа. Лиму построили во времена, когда здесь все было в степняках, и если бы существовал...

– Избавь нас, Боже, от тех, кто думает, что исполняет Твою волю, и от уроков истории, – фыркнула, снова прочищая нос, Чонса. – Должно быть хоть что-то. Ландграф же должен был

убраться каким-то путем, если вдруг в замке случился бы пожар? Подземелья с крысами, тайные проходы за шкафами, древние канализации. Давай, думай!

Брок нехорошо покосился на обнаглевшую девушку, но, кажется, принял её доводы к сведению. Спрыгнул с коня и задрал голову, разглядывая тёмную унылую громадину перед собой. Был рассвет: в это время кричат петухи, шумит челядь, меняются караулы, обозы толпятся у ворот и возницы перешучиваются с местными торговками. Нет – тишина. Только ветер выл, холодный и сильный близ высоких стен, хлопал флагами в голубоватом небе над тремя острыми башнями. Он сменил направление и принес с собой запах. Ноздри Чонсы дрогнули, раздувшись на вдохе. Даже насморк не помешал. Она чувствовала фигуру, что была облита маслом и подожжена, еще живая, стоящая на двух ногах, упирающаяся горящим лбом в ворота.

Чонса выдохнула. Шипящим змеиным наречьем она скомандовала:

– Подчинись, – и толкнула воздух обеими руками перед собой. От напряжения у неё разошлись в сторону локти, Шестипалая почувствовала, как трещат сухожилия. Изменила позу, согнула пальцы и теперь вела руками снизу вверх.

Изумленно притих и обернулся на неё Джо, когда створки заскрипели, лишаясь противовесов, и начала подниматься решетка с острыми зубьями. И хотя Колючка смотрел на неё, Чонса видела его затылок чужими глазами, его охряный плащ, и спрятанную под ним руку, легшую на костяное оголовье меча. Джо был юн. Совсем мальчишка с этой дрожащей побелевшей ладонью.

Чонса обмякла в седле только когда ворота открылись полностью. Противовес клацнул, механизм встал в пазы, и они могли войти, миновав стоящего в проходе человека, что открыл им двери по приказу Чонсы. Гектор облегченно выдохнул.

– Слава богу, мессир! Вы живы, но почему...

Ландграф упал вперед, заходясь смехом. Гектор бросился к нему, но Брок придержал его за плечо тем же неумолимым и резким жестом.

– Я сказал тебе: сзади, идиот! Ищейка.

Чонса спешила, кивнула вытянувшему-таки из ножен меч Джо и пошла вперед. Ландграфа били судороги. Он смеялся так сильно, что начал икать. Когда они подошли ближе, увидели, что лицо у него было расцарапано, у края аккуратной бороды торчал сорванный ноготь, а глаза...

– Горящая голова, – шепнула Чонса, озвучивая свое видение. Джо искоса глянул на неё. – Дебби свела его с ума.

– Мессир ландграф. – Джо наклонился, поддержав мужчину за плечо. Лима был старше Брока, но крупнее и шире. Лохматая шуба на голое тело и вовсе делала ландграфа огромным и похожим на оборотня. Когда его плеча коснулся Джо, Лима неожиданно начал говорить, тонким и плаксивым голосом:

– Господа, господа, вы прибыли! О, миледи. – Он схватился за край туники Чонсы, потянул так сильно, что девушка шатнулась. – Ваши покои, ваши покои... Они в огне! Это всё! Всё в огне! В ОГНЕ! ХАХАХА!

Он снова подавился хохотом, следом вскочил на ноги и побежал вперед – он упал бы в болото и утоп, если бы Брок не подставил ему подножку. Гектор медленно опустился на колени рядом со своим сюзереном и заплакал.

– О, Петер, мой дорогой друг...

– Присмотрите за ним. Вот. – Брок достал из седельной сумки моток веревки и кинул её Гектору. Тот непонимающе начал теребить хлопок в руках, поднял на ключника красные глазки, и старик пояснил со вздохом: – Свяжите его, так он не сбежит.

Перекатившись на спину, ландграф глупо захихикал и начал водить руками и ногами, делая в придорожной грязи снежную птицу. Чонса отвернулась от них и потянула Джо за край плаща.

– Пошли.

Ещё она хотела попросить его закрыть глаза, потому что это было первое чёрное безумие Джо, и он был не готов. Конечно, он был не готов. Желудок подвел его спустя две дюжины шагов по подворью.

Внутреннее убранство замка было похоже на поле боя. Животные в одних лужах крови с людьми. Разбитые головы, вырванные волосы, оскаленные зубы, застывшие гримасы. Чонса слишком много видела такого. Её сердце затвердело, но идти по бурой от крови, дерьма и желчи земле все еще было больно.

– Клянусь, если я еще раз увижу блевотину, я попрошу премию, – с косой ухмылкой обратилась Чонса к Броку. Старик невесело хмыкнул и похлопал юношу по спине.

– Ничего, малыш. Все мы через это проходили.

– И ты? – Проходя мимо лобного места и рыночных столбов, она старалась не наступать в лужи дерьма, натекшие с висельников.

– Нет. – Старик нагнал малефику, не давая ей уйти слишком далеко. За их спинами Джо отплевывался, полоща рот водой из фляги. – Я – нет.

Её отвлекал собственный уверенный шаг. Каблук-мысок, перепрыгнуть лужу, обойти трупы. Она вспоминала годы, проведенные за обучением в малефикоруме – медитации, звук битья молоточков о медные чаши, смутно похожий на ритм её шагов. Даже забавно: она прибегала к воспоминаниям о ненавистных ей годах учебы как к кружке горячего чая после суток на морозе, и в такие моменты они казались ей блаженством. Юдолью безопасности.

Всяко лучше залитого кровью самоубийц и убитого скота подворья, их намотанных на колеса кишок. Она даже порадовалась этой мерзкой холодной погоде на исходе зимы, вонь была терпимее без плотоядных мух и опарышей.

По пути в подворье замка они встретили всего пару живых людей. Одна из них, голая престарелая женщина, баюкала на руках расколотый глиняный кувшин. Другой, мужчина в дорогом длинном пальто, пытался войти в стену, монотонно прикладываясь о кладку лбом и хихикая каждый раз. Нос его уже превратился в лепешку, а кровь из разбитых бровей коркой спекла ресницы.

Чонса прошла мимо. Её шаг неумовимо изменился, стал текучим, крадущимся, как у лисы. Ключники знали её повадки и не путались под ногами, держась поодаль. Так они добрались до лестницы, ведущей в холл замка. Прошли мимо убитой стражи. Один из мужчин до сих пор сжимал меч в окоченевшей руке. На другом конце меча была голова, улыбающаяся пеньками переломанных зубов.

Слишком много мертвого вокруг, это сбивало со следа, и на входе Чонса закрутила головой, пытаясь понять, куда дальше. Джо придержал её за локоть.

– Ты шатаешься, – пояснил он. Забавное замечание, учитывая, что юный ключник выглядел едва ли краше болтающегося на свечном канделябре трупа. Чонса похлопала Джо по руке и переложила её на свой пояс.

– Сейчас буду падать, – предупредила она и долго свистяще выдохнула душу в Извне. Отошла всего на шаг, проморгалась, увидела и вернулась в обмякшее тело. Показала дрожащей рукой в сторону. – Она там.

Коридоры вели в подвал, ветвились и превращались в изящную круговую лестницу для слуг. При взгляде на неё Чонсу затошнило, но, хвала всему, подниматься ей и не требовалось. Здесь было темно, гораздо теплее, вкусно пахло гниющими фруктами. Чонса шла, касаясь пальцами шершавых стен.

Девушку они нашли на кухне. Она лежала на полу, укрытая мешковиной вместо одеяла, и спала. Умаялась, бедняжка, подумала Чонса, и пустила вперед ключников. Джо пронзил спящую клинком, даже не задумавшись. Дебби не вздрогнула.

Раздался звон, стук, коротенькое «ой». Брок вскинулся. Из-за открытой дверцы шкафчика выглянул курносый нос. Маленькая девочка с измазанными чем-то красным губами смотрела на вошедших, держа в руке булку хлеба. Её лицо в крови, подумала Чонса, наверняка она тоже спятила. Невозможно не сойти с ума, если так близко находишься к источнику чёрного безумия.

Из руки девочки выпала банка и рассыпалась по плитке липкими брызгами и стеклом.

Это вишневое варенье, поняла Чонса по запаху.

В этом ужасном месте, полном смерти и разложения, маленькая девочка кушала хлеб, макая его в варенье.

Испугавшись резкого звука, ребенок перевел взгляд с осколков на ключников, с них на пронзенную мечом Дебби... и заплакал в голос, растирая сопли и слезы по грязному личику.

– Ну тише, тише, – когда они пришли в себя, попросила Чонса, осторожно, как к зверьку, ступая к девочке. Та заголосила лишь сильнее, но не от страха, почувствовала малефика, а будто бы от облегчения. Когда девушка сняла её со стола, малышка прижалась к груди малефики. Она так сильно вцепилась в Шестипалую, что крохотные ногти оставили на коже розовые царапины.

– Она мертва, – раздался изумленный голос Брока. Джо, выдернув меч из тела одержимой, нервно глянул на девочку. Мешковина прятала лужу крови. Когда старик сдернул покрытие, все заметили кухонный нож в её животе.

– Боже, – шепнул Джо и осенил труп знамением. Чонса сильнее прижала к себе девочку и спрятала её лицо на своем плече. Сквозь рыдания она что-то бормотала, неразличимое и глухое, но, когда малефика разобрала детский лепет, по её спине прошла волна ужаса.

– Она сказала, что сладкое нельзя. Но я не хотела эту вонючую кашу! Я хотела варенья! Хочу варенья! Ненавижу вишневое!

Чонса подняла голову и встретила взгляд Брока. Старик был ошарашен. Он опустил руку с мечом, а Джо, напротив, поднял, направив клинок в сторону малефики с ревущим ребенком в объятиях.

– Ты это сделала? – сказал старый ключник нарочито сладким голоском. – А, малышка? Скажи, мы не будем ругаться.

Девочка облизнула губы и свела полупрозрачные бровки у переносицы. Она посмотрела на Дебби, которую Джо снова укрыл мешковиной, и кивнула.

Чонса взяла её за подбородок и вгляделась в чистейшие синие глаза. К её ужасу, маленькая убийца не была безумной. В её радужках, похожих на шарики из лабрадорита, отразился блеск от улыбки, когда она спросила малефику:

– Сестренка, достанешь мне варенье? Я не дотягиваюсь, оно вон там, вверху. Яблочное!

Отчет малефикоруму города Дормсмут от Джоланта Лорки, ключника первой ступени:

Произошедшее в деревне Райли, что в Лимском наводье, принесло множество смертей, среди которых восемь жителей Райли и пятьдесят девять жителей замка Лима. Переданы в лепрозорий трое умалишенных, включая ландграфа Петера Лима и двух мецан. Сорок два человека в замке, где случилось чёрное безумие ренегата Дебби, остались живы. Весь скот был перебит.

Также была найдена девочка, что направлялась с сопровождающими в замок и была взята в плен ренегатом.

На теле ренегата во время вскрытия была обнаружена мутация в виде удлинения последнего позвонка, что напоминал формой и размером хвост.

Во время задания малефика Чонса проявила себя рассудительно.

Согласно правилам, тело ренегата было сожжено. Кости отправлены с самым быстрым гонцом Райли.

Просим направить в замок Лима миссионеров с реликвариями, дабы очистить это проклятое место от скверны.

Глава 2

Волчишка

До нас дошло множество интерпретаций легендарного сражения, случившегося тысячу лет назад. Именно тогда наш род был защищен от обжорства богопротивного пророка Зла и воссияли звезды.

Несколько раз Марвид откусывал Малакию конечности, проглатывая мясо, и становился больше и безумнее. Но руки святого снова отрастали, ведь за ним была сила истинного бога. И вот однажды, бездумно глотая конечности своего брата, Марвид подавился костью, и именно тогда он и был сражен. Узнав, как победить его, Малакий пожертвовал всеми своими костями, запер его и обездвижил, и с тех пор мы не знаем лица Зверя.

Есть легенда, согласно которой Марвид успел оставить потомство, из него и ведут свой род малефики. Считается, что колдуны рождаются только от взятых силой, ведь ни одна благочестивая женщина не захотела бы по своей воле возлежать с подобным ему.

«Собиранье легенд» преподобного Виктуса

Первая ссора случилась в Аэрне. По старой привычке они остановились в доме близ монастыря, что в паре миль от лепрозория. Гостевая хижина пустовала большую часть времени, обычно тут ночевали приходящие лекари и церковники, но сегодня путникам повезло – уединение было необходимо, и они получили его.

Дом давно не топили и в нем было ужасно холодно, но малефика плевать хотела на неудобства. Спать. Надо поспать. Путь измучил Чонсу – когда заканчивался снег, начинался дождь. У неё болела голова, по-женски ныл живот, а от качки в седле тошнило. Компанию им составили умалишенные из Лимы и Гектор, ставший тенью потерявшего рассудок господина. Найденная же девчонка вызвала у Брока достаточно подозрений, чтобы не сдать её в руки первых встреченных миссионеров или же в лепрозорий, а оставить подле себя до самого малефикорума.

– Это бред, – выразила Чонса свое мнение, хоть никто его и не спрашивал. Ситуация в Лиме была страшной, этого хватило, чтобы маленькое дитя согрешило, обезумев от голода больше, чем от воздействия ренегата, но Брок не слушал доводы малефики. Девушка подумала отчего-то, что он слишком часто обжигался и теперь перестраховывается. Чонса подчинилась ему, как всегда это делала: долго вглядывалась в синие-синие глаза, трогала виски и лоб, искала следы колдовства или той родственной силы, что составляла её существо. Ничего не нашла. Не в первый раз она осматривала детей на предмет наличия малефеция, но синеглазая крошка была чиста от этого порока.

В гостевом доме близ Аэрна Чонса уснула еще до того, как скинула влажную одежду, и проспала не больше получаса. Её разбудил крик. Она подорвалась с места, не понимая, где находится и, путаясь в спущенных штанах, выскочила на лестницу из своей крошечной бедной комнатки. Кричал Джолант – длинный тёмный силуэт на фоне пляшущего в очаге огня – и прятал за своей спиной сжавшуюся в комочек девочку.

– Ты спятил?!

– Джо, – Брок говорил мягко, но лицо у него было мрачным и злым. – не глупи, малец.

– Ты спятил, – повторил Джо, делая полшаг назад, – боги, Брок! Девочка и так пережила слишком многое!

– Слишком многое? Она убила чертову девку за то, что та не дала ей варенье! Или это исчадие ада, или Ищейка ошиблась. Нам надо проверить. Это наша обязанность!

– Брок, девочка была в шоке. За всю дорогу она ни слова не сказала, ни ложки не съела, а ты хочешь её обследовать?! Ты совсем больной?

Чонса почувствовала щелчок. Он напоминал треск дерева под её слишком сильно сжавшимися руками, свист выпущенного из арбалета болта, но больше всего – когда у закипающего чайника паром откидывает крышку.

Брок разозлился. Он подался вперед удивительно резво и схватил Джоланта за грудки, как щенка за загривок.

– Это ты не в себе, если перечишь мне, ты, мелкий ублюдок!

Джо гордо вскинул подбородок и свел челюсти. Чонса решила, что если не спуститься сейчас, в эту неловкую и тягучую паузу, то быть беде. Брок закипал редко, но серьезно, а кровь Колючки всегда была слишком горячей.

Перескакивая ступеньки, малефика думала, что если что и погубит этот мир, то не безумие подобных ей, а мужская гордость.

– И что здесь происходит?

Брок опустил руки так резво, словно Чонса застала его за чем-то более неприличным. Девушка слабо улыбнулась малышке за спиной Джо, но та никак не отреагировала. Лима действительно травмировала её. Чонса не чувствовала острый, напоминающий ушного клеща, запах слабоумия, скорее это было похоже на отупение. Шок. Девочка не говорила, не назвала свое имя, и даже моргала, кажется, только осознав, что это нужно делать, иначе щиплет глаза.

По какой-то загадочной причине Джо едва ли не сдувал с ребенка пылинки. В дороге девочка ехала у него на руках, закутанная в его шерстяной плащ, пока ключник шмыгал породистым красным носом. Оборачиваясь на них, Чонса чувствовала удары сердца в своей груди, гулкие и сильные.

«Совсем крошка, – думала она. – Сидит, как кукла в его руках». Чонсе они показались похожими, со светлыми волосами и манерой держать голову.

– Ничего не происходит, – буркнул старик, возвращаясь в кресло. Он вытянул ногу и стал разминать ноющее колено. Джо наябедничал:

– Он хочет сдать девочку в малефикорум. Но до этого раздеть и повтыкать в неё иглы.

Чонса глянула на старика. Из всех ключников он был, кажется, самым подозрительным и самым суровым. Не оттого ли он дожил до своих лет?

– Или так, или тюрьма.

– Боже, Брок! – Кажется, именно этот вопль разбудил Чонсу. – Она ведь всего лишь ребенок!

– Она – убийца. И здесь два варианта: либо она сделала это сознательно, и тогда она опасна для общества, либо она скрывает свои способности, и тогда...

– Я проверила её, старик, – прервала его Чонса. Она прошла к огню и подкинула в очаг полено. – Она не безумна, и она не одна из нас.

– Значит – тюрьма.

– Она ребенок. И она убила убийцу. Возможно, под влиянием самой несчастной. Ты не задумывался об этом? Мы ещё не до конца изучили чёрное безумие, – Чонсе было тяжело это говорить, – возможно, у больных случаются прозрения.

– И что ты хочешь этим сказать? – процедил Брок.

Чонса дернулась и оглянулась через плечо:

– То, что если бы я сделала все это... Я бы хотела сдохнуть.

Брок помолчал. Было слышно, как скользит его шершавая рука вверх-вниз по сукну штанов на колене. Завывала метель в дымовой трубе, или это где-то там, за монастырем, стенали прокаженные и безумные? Чонса почему-то вспомнила короткое прощание с Гектором – евнух выглядел поникшим, округлые яблочки его щек обвисли, как у блаххаунда. Он издал этот

странный звук, что-то среднее между стоном и «угу», когда Джо пожелал ему удачи в пути, и Чонса вспомнила, с каким ужасом он вздрогнул, стоило ей шевельнуться или взглянуть на него.

А ведь он ей нравился. Забавный малый. Даже грустно – кажется, он правда был верным слугой Петеру Лиму. Такая преданность ей нравилась. Бывает же, что люди верны друг другу от светлого теплого чувства, а не из-за нужды и страха?

– Значит, хоть в этом мы похожи, – процедил наконец Брок и отправился в свою комнату. Только после этого Джо выдохнул, повернулся к ребенку и провел рукой по светлым волосам. Девочка не отреагировала.

Чонса ни разу не слышала, чтобы ключники спорили, и тем более кричали друг на друга. Она с интересом скользнула взглядом по Джо. Он был молод и заносчив, и ей всегда казалось, что Колючка, во-первых, не выносит детей, а во-вторых, боготворит Брока. Выходит, она ошиблась дважды.

Внизу было теплее, чем в комнатах, уютно трещал огонь, и уходить в пустую спальню не хотелось. Да и сон от этой стычки как рукой сняло.

– Ты как? – спросила она, чтобы прервать неловкое молчание.

– Устал, – неожиданно честно ответил Колючка спустя паузу. – Она ведь тоже вымоталась, да? Надо уложить её спать.

– Я заберу её наверх с собой.

– Не думаю, что это хорошая идея... Вдруг Брок окажется прав. Ты так не думаешь? Мне не по себе от её взгляда.

Чонса усмехнулась, но не могла не согласиться. Синеглазка смотрела серьезно, как взрослая, но только это отличало её от обыкновенного ребенка. Никаких мутаций, а на них девушка нагляделась во времена обучения: были у малефиков заячьи губы, острые зубы, разноцветные глаза, горбы, хвосты, острые уши, лишние органы, были среди них карлики, великаны и те, кто в десять лет выглядел стариком. Среди многих из них Чонса выглядела красоткой.

Она встряхнула грязными волосами и посмотрела на Джо сквозь упавшие на глаза прядки.

– Ты что же, хочешь делить постель с малолеткой? Ах ты негодник! – Чонса щелкнула языком и неприятно хихикнула. Колючка тут же поднял иголки и стал прежним, заносчивым и злым.

Сразу задышалось как-то легче.

– Ведьма!

– Коротышка. – Встав на цыпочки рядом с Джо, Чонса щелкнула зубами у его носа.

– Мы одного роста, – кисло ответил Джолант, но этот привычный аргумент встретил только еще один смешок Чонсы. Она положила свои шестипалые ладони на плечи девочки и слабенько их помяла. Дитя качнулось, как кукла. Глянув на них, Джо внезапно спросил: – А у тебя есть сестры или братья?

– Не знаю.

Она пропустила волосы малышки сквозь пальцы и рассеянно начала плести косицу. Чонса скучала по длинным волосам, хотя, конечно, в дороге и в бою от них мало прока, но красиво же: расчесывать щеткой, украшать цветами и гребнями, укладывать, как настоящая девушка.

– Брок не говорил? Я была младенцем, когда оказалась в малефикоруме.

Малефикорум – это высокие стены, нудные мантры, старики и воины, молитвы, медитации и общество таких же «одаренных», как она. Не место для детей. Это пристанище сломанных душ, уродцев и маленьких человечков с глазами битых зверят. Ничего общего с пансионом для девиц или приютом, если честно.

В голосе у неё не прозвучало ноток, которые могли бы вызвать жалость, но Джо – глупый чувствительный мальчик – коснулся её руки. Чонса вздрогнула от неожиданности.

– Мне жаль.

– А мне нет, – ответила она слишком быстро. – Ведь чем меньше тварей вроде меня, тем лучше. Разве нет?

Джо хотел сказать что-то ещё, но малефика не дала ему закончить.

– Мы спать.

Она поднялась по лестнице, ведя за собой девочку, и оглянулась только на самом верху. Джолант присел возле очага, обнял колени и смотрел в огонь. Чонса залюбовалась правильным профилем, хоть на монетах чекань, и грустью во всем его ссутуленном облике. Повела носом.

Кажется, Колючка-Джо скучал по своей семье.

Оставшийся путь они проделали медленнее, чем ожидалось, хотя шли по утопанному тракту, пуская коней бодрой рысью. Заболел Джо – в седле держался, но был зелен, к вечеру следующего дня начал кашлять и получил от Чонсы большую порцию крепко заваренных трав, таких приторных от меда, что несчастный занемог вовсе и блевал всю ночь. Так и плелся теперь в самом хвосте, а синеглазка перекочевала на руки Брока к его неудовольствию.

Стража встретила их на подступах к Дормсмуту, где нетронутость лиственных лесов сменялась мельницами и закрытыми на зиму коровниками и свинарниками. Чуть дальше, на возвышении, уже можно было рассмотреть одинокую башню-часовню малефикорума, за которой и пряталось «золотое сердце Бринмора» – Дормсмут. Пока её закрывали высокие шпили редких старых сосен. Снега насыпало по самые верхушки, Чонсе было больно смотреть, так слезились глаза. Да и на что здесь смотреть? Всё знакомо до боли. Каждая маленькая деревушка от лесной заставы на севере до Ноктовых болот на западе, всё изучено ей еще в детстве, когда она была жутко непослушной, постоянно сбегала и получала розог. Поперек её спины до сих пор остались белые шрамы, где расходилась тонкая детская кожа.

Стражи оказались хмурыми, как полагается тем, кто живет под боком у колдунов. Чонса криво ухмыльнулась со своего седла, поприветствовав доблестных блюстителей закона панибратским жестом от виска. Её проигнорировали.

– Мастер Брок, мастер Джолант. Мы получили доклады и ждали вашего возвращения. Гонец прибыл уже два дня тому назад.

– Да, возникли... сложности.

«Сложность» продолжала хранить молчание. Не плакала и не жаловалась на жизнь, глядела как будто сквозь, но хотя бы снова начала есть, выпавшись в неудобном, но теплом жилище близ Аэрна в объятьях Чонсы.

Стражи взяли их под охрану, Брок выехал вперед, оставив Чонсу с Джо позади. Замыкал процессию стражник, что держал руку на оголовье меча. Девушка заметила, что лед между ключниками так и не тронулся, но Колючка не стал спорить, когда Брок все же настоял на том, чтобы показать ребенка монахам малефикорума.

– Тебе не кажется, что старик мог ошибиться? – решила завязать разговор с парнем Чонса.

– Тебе не кажется, что это не твое дело? – Он говорил в нос. – В любом случае, её проверят.

– А ты знаешь, как проверяют таких, как мы?

Он молча чуть повернулся к ней. Обратил свое лицо, слишком симпатичное для ключника, холеное даже с красными глазами и носом. Чонса усмехнулась, наклонившись к нему, и понизила голос до заговорщического шепота. Ей не понравилось, что у Джо поменялся запах: к сухоцветам лаванды и можжевельнику из дорогой подушечки добавился острый гвоздичный запах мази против простуды и кислый – рвоты.

– Значит, не знаешь.

Его терпения хватило на пару минут. Тишину разбивал только скрип снега под копытами коней, приглушенный бубнёж впереди и шмыганье носом с соседнего коня.

– И как же?

Чонса торжествующе рассмеялась. Смех у неё был неприятный, лающий и хриловатый.

– Ты же в курсе, что в малефикорумах нет Костей Мира? Иначе бы наше обучение было невозможно. Не получится контролировать силы, которые не чувствуешь. Так вот, Колючка, это обман.

– Обман? Что именно?

– Есть одна великая тайна, Колючка. В проклятом подвале каждого малефикорума есть белая-белая комната. – Она говорила напевно, так детям рассказывают страшилки. – Стены там из извести, и в этой комнате есть бассейн из Кости. Вода там ледяная. Обычный ребенок будет стучать зубами, а малефик не сможет двигаться и начнет тонуть.

– Это же... Макание ведьм из Тёмных веков, верно?

Чонса с интересом глянула на Джо. Он выглядел пораженным, но быстро вернул себе лицо. Глупое и смешное с этим красным опухшим носом.

– Пытки Инквизиции, они самые, любимые. Пережитки тех времен, но они оказались действенными. «Святая вода» нас не принимает. Это всё равно, что погрузиться в кипяток. Каждая клеточка кричит от боли.

– Звучит жестоко.

– Да, даже очень. Из трех утопленников-малефиков двое умирают.

– Тонут?

– Нет. Просто это слишком больно. У детей останавливается сердце.

Они молчали весь оставшийся путь до ворот. Забавно: Чонса не помнила, как оказалась тут, но каждый раз, проезжая мимо тяжелых створок, испытывала тот же страх, что и в первый. Словно младенец, каким была Чонса двадцать восемь лет назад, мог знать, что предвещают висящие на дверях гербы: жёлтый фон, шесть замков, один ключ, чья бороздка походила на сколотые клыки.

Их разделили в Дормсмутском малефикоруме: Чонсу и девочку увели в dormitorio, Брока и Джоланта – в казармы при храме. Они не попрощались, просто разошлись в разные стороны, пусть и зная, что эта встреча может оказаться для них последней. Никто не помешает викарию дать Чонсе других соглядатаев.

Что ж, если у Чонсы и были какие-то иллюзии, они остались за стенами этого места.

Интересно, у них получится улизнуть в Дормсмут до следующего задания? Близился праздник конца года, и было бы неплохо отметить его в городе, а не в седле. Давно уже она не отдыхала, как следует.

Они прошли мимо мастерских и сада с лекарственными травами. Главное здание возвышалось над их головами монолитом серых стен. В холле девочка впервые проявила осознанность, с любопытством оглянулась, замечая других детей разных возрастов. Убранство внутри было небогатым: белизну глинобитных стен оживляли своды арок, единственной мебелью были темные от влажности каменные лавки у внешней стены со слишком большими для северных широт окнами. Это была память о древних временах, в которые был построен малефикорум. Зимы тогда были мягче. Завидев стражников, с лавки соскочила девочка с ужасной мутацией – на её широкой шее были две одинаковые головы. Двигалась она неловко. Чонса подала ей упавший костыль.

Стражи повели их в коридоры, где чадающие маслом лампы озаряли фрески со сценами из жизни святого Малакия и Мэлруда, предка одного из Великих домов и родоначальника королевской династии. У некоторых синеглазка хотела задержаться – конечно, тех, что с собакоголовыми монстрами. Малефику с девочкой подтолкнули в спины, заставляя восстановить ширину шага.

– Пятый выродок за месяц. Топай давай, – вполголоса прохрипел один из их провожатых. Чонса нахмурилась, но как могла ободряюще потрясла девочку за плечо.

– У тебя еще будет время насмотреться на все это.

Они так и не дали ей имя. Будь воля Чонсы, она бы взяла этого ребенка на руки и бежала бы в Шор. Говорят, там дышится свободнее, но последний раз Чонса гостила там в разгар войны и все, что запомнила – это головную боль, кровь во рту и синее-синее море.

И вот, годы спустя, она шла по тёмному коридору – пахло ладаном и кедром – с ребенком, который в другой жизни мог бы быть её дочерью, и продолжала думать об этом, даже когда вошла в кабинет викария. Когда сказала:

– Ваша Святость, – и когда согнула спину в поклоне.

Она едва заметила двух стражей на входе, их здесь как диких собак после войны. К их рычанию быстро привыкаешь.

Её наставник, Феликс, поднял прозрачные глаза и перевел их на ребенка. Взгляд его не смягчился, как бывает, когда смотришь на маленьких детей, скорее выразил какое-то подобие сожаления.

С грустью Чонса подумала, что она вернулась во владения дряхлых святош, несчастных детей и злых юнцов.

– Уведите её, – кивнул он стражникам. Крошка удержалась за рукав малефики и неожиданно замычала, когда ее коснулись чужие. Чонса извинилась и присела рядом с ней, приобняв за узенькую спинку.

– Всё будет хорошо. Мы обязательно увидимся.

Она посмотрела на малефику так, как будто та еще один взрослый, что лжет ей. Да уж, Джолант был прав. Не по себе было от взгляда её синих-синих глаз.

Как только за стражами и девочкой скрипнули двери, Чонса повернулась к Феликсу.

– Присаживайся.

Викарий какое-то время писал, перо скрипело по пергаменту. Чонса заметила, что, когда он присыпал сырые чернила, его руки дрожали как никогда. Старческая корча зимой проявлялась сильнее всего – особенно с каждой новой, что гнула Феликса все ниже к земле. Здесь было теплее, чем в холле, за счет расставленных у стола жаровен с тлеющими углями. Чонса хотела было присесть у одного погреть руки, но сдержалась, так и сидела – прямая и гордая.

– Ещё один, хах...

– Стражник сказал, что это пятый за месяц, но я не уверена, что девочка малефик. Вы же разбирали наши доклады?

– Да. Джо прислал удивительно короткий отчет из Лимы. Тяжко было?

Старый наставник заботился о ней. Или переживал, как бы она ненароком не спятила? По старческому лицу тяжело было понять, как ни вглядывайся.

– Как обычно, – ответила она.

– Если Брок не ошибся, то она – пятая в черте только нашего малефикорума. – Феликс откинулся на спинку кресла и сплел перед собой пальцы. – Ты правда считаешь, что девочка чиста?

Чонса склонила голову к плечу, по её лицу прошла рябь отвращения. Даже её мэтр – фактически отец – считал её «грязной». Конечно, после случившегося в Лиме для этого были основания, но все равно обидно.

Викарий повторил её жест, его отвисшие от тяжелых серег мочки качнулись. Кость в них блестела, как зеркало. Он действительно ждал ответа.

– У меня нет оснований считать иначе.

«Пятый в нашей черте» – это много, даже слишком. Чонса черство хмыкнула:

– И сколько ждать до того, как мы будем бросать каждого второго в костер?

Феликс усмехнулся. Он отличался от других наставников малефиков – скорее всего, потому что в его подопечные в свое время попала Чонса, когда была еще неразумным свертком вонючих пеленок. Возможно, он всегда был хорошим где-то в глубине души. А может, попросту страшно стар. Чонса заметила, как велико ему стало кресло, а алые одеяния не скрывали печеночных пятен на коже его рук. Он был стариком сколько она себя помнила. Но главное – он был добр к ней. Даже помог избежать смертной казни во время заключения в монастыре Святого Миколата после войны с Шором.

– Охота верить, что мы отбросили Тёмные Времена, – сказал он, потирая трепещущей рукой серебряный висок. – Но скажи, девочка моя, ты ничего об этом не знаешь?

Пламя свечей на массивном столе красного дерева отражалось в её глазах, сощуренных и внимательных.

– Нет.

– И ты ничего не чувствуешь?

– Нет, – подтвердила Чонса с толикой раздражения. – Если что-то и изменилось, мне это неизвестно.

– Это бесконечно странно. Обычно в год приводят столько детей, сколько за последний месяц. В малефикоруме делается тесно.

– Так постройте ещё одно крыло.

– Дело не только в этом. С востока ползут слухи. Станные слухи. О всякой нежити, что пробудилась, дурных знамениях, хворах и прочей ереси. Все это нехорошо выглядит, Чонса.

Кажется, она слишком сильно стиснула пальцы на своем колене.

– Не бойся, мы не будем кидать детей в огонь, Шестипалая.

Сухой смешок скрипом прошел сквозь сжатое горло. Феликс вздохнул.

– Кажется, ты утомилась. Ступай, отдохни. Твоя келья не занята. А утром поговорим.

Тяжело скрыть облегчение, но ей удалось – в низком поклоне и опущенном лице. Стыдно было признаться, однако её обрадовала такая мелочь, как собственная комната. Она была готова к дорматориям и дурным воспоминаниям, что они несли: затекшие от соломы на ледяном полу бока, запах пота, кашель и храп других малефиков. В общих комнатах не было места тишине, а ей она требовалась с каждым годом всё больше. Порой в голове было слишком шумно от мыслей, не хватало ещё охов и вздохов послушников.

– Доброго вечера, Ваша Святость.

– Спокойной ночи, Чонса.

Уже в спину он сказал ей:

– Не волнуйся. Я пригляжу за ней. Честное слово.

Чонса вспомнила о море, потому что у неё стало горько в горле. Будто наглоталась воды в прилив.

Но сон не шел. Виной тому были старые каменные стены, изученные ею до последней шероховатости побелки еще в подростковом возрасте, и мысли о будущем. Она крутилась, но любые намеки на усталость пропали, когда Чонса осознала, что вместо одеяла у неё – мешковина, как у Дебби.

Как там синеглазка? Интересно, утром Феликс скажет ей о том, что Брок ошибся, ведь правда?

Чонса скинула мешковину с себя ударом ноги и с раздраженным стоном потянулась к сундуку за чистой одеждой. Она взмокла. Все тело ныло от долгого путешествия, но, видимо, этого было недостаточно, чтобы уснуть быстро, как в Аэрне. Одевшись в тунику и штаны под робу послушницы, она решила скоротать время за прогулкой в саду.

– Благодать, – выдохнула она, шумно втянув воздух.

Тихо и темно, только в паре мест окруженные металлической сеткой факелы топили снег. Стражники проводили её блестящими глазами, Чонса с непривычки кивнула им и прошла

в глубину зимнего сада по памяти. Ярко-жёлтый плащ увидела издалека, как и блеск стали, пошла на это видение и нашла черноглазого мечника.

– Не знала, что они разбили здесь тренировочную площадку, – сказала она, когда Джо опустил меч, переводя дыхание. На соломенное чучело без слез было не взглянуть, но Чонса кивнула на него с ухмылкой. – Дай угадаю. Представляешь меня на его месте?

Джо фыркнул, откидывая кудрявые пряди с лица. Его волосы были убраны в пучок на затылке, уже изрядно растрепавшийся. Плащ, замеченный Чонсой, сидел на соседнем чучеле, и ей очень хотелось его поколотить.

– Слишком много чести.

– Да ладно. Я же знаю, ты без ума от меня.

Он снова зло, по-кошачьи фыркнул, втянул в нос соплю и нанес по чучелу кромсающий удар. Кажется, ему было гораздо лучше, его удары были сильными. Болезнь выдавал только нездоровый румянец и периодическое шмыганье носом.

В морозный ночной воздух взлетела солома. Чонса засмеялась.

– Может, тебе нужен нормальный противник? Много ли прока от избиения несчастного чучела.

– Именно поэтому я и не собираюсь с тобой тренироваться.

– Ауч.

Учебные мечи тупые, но увесистые и сбалансированы неплохо. Шестипалой ладони рукоять показалась слишком короткой, и Чонса прокрутила оружие с неприятной гримасой, неумело, но с достоинством.

– Что, лишние пальцы мешают?

– Обычно мужчины не жалуются на это. Держать удобнее.

До него дошло не сразу, он вспыхнул с короткой отсрочкой, и тут же перетек в защитную стойку, подняв меч перед собой обеими руками. Смущаясь, Джо выглядел ещё злее, но это нравилось малефике.

– Нападай.

Малефиков не учат сражаться, только убивать неверных и смирять себя. Но Чонса прошла Шорскую войну, видела своими глазами, как перерезали горло генералу Чезаре Лобо в битве на Девяти Холмах, и ей приходилось обнажать оружие. Иногда сил не оставалось, а иногда противники были защищены проклятыми костями святых. Несколько шагов, скольжение в сторону, укол в бок Джо, блок, короткий замах в ноги, его скачок назад и тут же – контратака, быстро, четко, серией ударов, которые Чонса прервала не сразу, но поймала ритм и шажком вперед свела в сцепку клинки, прижимая лезвия у самых рукоятей.

– Неплохо, – Чонса сбилась с дыхания, – для бальных танцев.

Он тихо зарычал, отталкивая девушку, и малефика отпрыгнула в сторону, скользя по снегу подошвами.

– Почему тебе так нравится бесить меня?

– Бесить? Я думала, мы флиртуем.

Удар, удар. Звон блока, вибрацией отдающийся в руку. Облачка теплого пара в холодном зимнем воздухе. Чонса устала: отвлекла Джоланта взмахом руки, сделала подножку и уронила в сугроб.

– Это нечестно! – сказал он, проигнорировал протянутую ладонь и выбрался сам.

– Это бой. Тут нет правил.

Колючка посмотрел на неё какое-то время и вытер мокрое от пота лицо. Чонса поддела самым кончиком меча снег и подкинула вверх. Здесь он был более рыхлым, чем на болотистом западе, поднялся сонмом снежинок, красиво закружился в иссиня-черном воздухе.

– Давно ты тренируешься? Выглядишь уставшим.

Юноша немного помялся с ответом, но не нашел тот, что поострее, и в итоге просто вздохнул:

– Пару часов? Не знаю. Брок отправился на встречу с Его Святейшеством, так что мне нечем заняться.

– Прелатом? Тито прибыл?

Чонса сжала зубы и продолжила ковыряться в сугробе, не поднимая голову. Не хватало, чтобы он увидел в её глазах то, что ему знать не следует.

– Вот так новость. Путь от Канноне неблизкий.

Джо спрятал меч в стойку и набросил свой плащ.

– Он редко покидает Канноне, да? – задумчиво протянул он. Джо свел к переносице брови и прикусил губу. Чтобы не спугнуть настрой ключника, Чонса подобралась к нему осторожно, как к дикому зверю.

– О чем думаешь, Колючка?

– Не нравится мне это. Нас бросают с места на место, Церковь явно тревожится, а Шорское перемирие подходит к концу. Чёрное безумие, из-за которого теперь мы потягали запад, ведь единственного ребенка ландграфа спятившая мамаша скинула с башни, а пока придёт наместник...

Чонсу как-то резко перестал забавлять гундосый прононс ключника. Он говорил мрачные вещи, которые малефика уже слышала из уст наставника: какая-то дрянь на востоке, странные знамения... Тогда она не обратила на это внимание, слишком злилась неизвестно на что, но сейчас почувствовала, как в животе холодеет.

– Думаешь, будет война?

Он пожал плечами.

– Не знаю. Но что-то будет. Я чувствую это.

– Странно. Я ничего не чувствую, – имея в виду свои способности, попыталась успокоить ключника девушка, но он только бросил на неё колючий взгляд, не веря мягкости в её скрипучем голосе.

– Будет хорошо, если я ошибаюсь, Ищейка. Мне бы очень этого хотелось.

Они какое-то время тихо стояли, после чего парень молча развернулся и побрел прочь.

Чонса была бы не Чонсой, если бы не крикнула ему в спину:

– А поцелуй на ночь?

В ответ он вскинул руку, показывая ей средний палец.

Лучше бы она не засыпала. Нужно было бродить в саду и теплицах, перетирая в руках благоухающие травы, а не пробираться обратно в келью, укрываться мешковиной и устраивать руку под головой.

Сон... Какой странный и страшный сон! Она была Дебби. Бежала, падала и боялась. Волочила за маленькую ручку свою сестру, спасала её от ужасной участи. Бежала так быстро, что зимний воздух резал её грудь пригоршней проглоченных иголок. Споткнулась, подняла голову и увидела перед собой истекающую голодной пеной пасть белой волчицы. Рядом с ней крутился старый вожак стаи, это он загнал свою добычу и ему предстояло сделать победный прыжок, но волчица поймала его в полете, впилась в свалявшуюся шерсть на горле, рванула в сторону. Животный визг был так похож на человеческий, что Дебби попятилась, упала в мокрый снег и поползла назад. Бежать! Ей нужно бежать, но она не могла двинуться с места.

Волчица запела, и это было самым прекрасным, что мог породить наш мир. В вое звучало обещание перемен, волчьего закона, силы, способной сокрушить миры до основания, обещание построить на руинах новое будущее, прекрасное будущее, и оно так близко, стоит только протянуть руку.

И Дебби делает это. Щелчок острых зубов перемалывает кости и разрезает небо пополам – вой превращается в земельный гул, сокрушающий основы всех миров. Многозубая бездна за спиной волчицы смеется шакальими голосами, вскидывает острые морды и лакает кровавый дождь.

Дебби проснулась с воплем, и только холодная рука на лице вернула ей память о Чонсе.
– Дурной сон? – спросил Феликс, перебирая пальцами по её татуированному лбу.

Нет. Ей не было страшно. Всё её существо сотрясало в благоговении, и щеки оказались влажными от слез счастья.

– Я пришел сюда сказать, что девочка справилась.

Чонса тут же вскинула голову, села и резко провела руками по лицу, стирая следы сна.

– Справилась? Что это значит?

Феликс потеснил её ноги, садясь на кровать. Она заметила, что его длинное одеяние мокрое до пояса, и испытала странное чувство между волнением за его здоровье и страхом перед произошедшим. Её девочку пытались утопить в той белой купели, где пахнет мелом и ракушечником, а кости на дне янтарные от старости.

– Она прошла испытание.

– Невозможно, – шепнула Чонса, вскидываясь на руках. – В ней не было...

– Было. И есть. Вы увидите завтра. – Старый викарий тяжело вздохнул, опуская дрожащие руки меж разведенных коленей. С его робы накапало. – Ты же знаешь, это я разыскал тебя в лесу.

Чонса знала. Феликс любил эту историю, рассказывал её каждый раз, когда у него была возможность. Раньше Шестипалая думала, что это из-за сентиментальности, но сейчас, глядя на то, как его седая лысеющая голова непроизвольно покачивалась, подумала о том, что, может, он каждый раз делится этим рассказом впервые. Феликс стал похож на старую больную птицу.

– Ты кричала, громко кричала. Был самый разгар зимы перед Изломом, шел снег, но ты была крепкой, и выросла такой красавицей. Я назвал тебя Чонсой, потому что у племени Чернозубых это означало «Волчица». Ты была моим диким ребенком, Волчишкой. Я так тебе рассказывал, да? – Он внезапно рассудительно усмехнулся, кинув на неё взгляд – и из старой курицы-наседки превратился в седого хитрого лиса. – На самом деле это слово заорал наш проводник в лесах, когда ты тяпнула его за палец.

Чонса изумленно хлопнула ресницами и тихо засмеялась. Это было на неё похоже! Феликс тоже захихикал, его кости бряцали от движений плеч и лопаток вверх-вниз, в конце концов он зашелся кашлем.

– Вам бы горячего вина, – взволнованно проговорила она.

– Уложу тебя спать и пойду на кухню. Знаешь, она тоже цапнула меня за руку! Вот, посмотри. – Он протянул ей узловатую ладонь, обтянутую желтым пергаментом кожи. На ней были четко различимы красные следы зубов, и Чонса улыбнулась, проведя по ним пальцем. Феликс надул щеки. – Беда, конечно. Второй Чонсы Бринмор не выдержит.

– Назовите её Кэйлин.

На старом брине, древнем языке, что сохранился только в ветхих текстах о святых и чудовищах, это слово означало «котёнок».

– Подходит, – хмыкнул он. – Ложись спать. Я посторожу твой сон. Хочешь, расскажу сказку?

Шестипалая улыбнулась, но удобнее легла на бок и прикрыла глаза.

– Давным-давно не было ночи, только милосердное солнце, дарующее тепло и урожай. Но случилась между братьями битва...

Эту историю она тоже слышала.

– Марвид грозил поглотить весь мир, так неуголим был его голод. Но Малакий знал, что нужно делать. Простер он руки, и одну из них проглотил Марвид, и подавился костью. Тогда

достал Малакий из глотки брата своего свою руку, и кости его осыпались ключами, и перед ним разверзлись небеса. Там, где раньше сияло только солнце, появилась пелена. Взял Малакий Марвида за шею и откинул за нее, и стала ночь. В небе засияли тысячи тысяч звезд, каждая из которых была замком, в ту ночь запертым на ключ.

Старая легенда действовала лучше мятного отвара и дыма мандрагоры. Глаза у Чонсы слипались, начало фраз расплывалось, терялось в тумане.

Она так и не поняла наутро, услышала ли новую строчку, додумала её, или же она ей приснилась. Даже не сразу вспомнила, только потом, неделей позже, глядя в ночное небо.

– Когда услышишь поворот ключа в замочной скважине – беги, Волчишка.

Глава 3

Поворот ключа

«Центурии» – это тексты, оставленные шутником, что решил написать страшилки, однако и там есть любопытные строки. Мы можем обратиться к кантине «О капле от моря», где в красках описывается конец света, что случится, когда свет увидит потомок Марвида, «неотличимый от него», и тогда явится воин, обряженный веру со стягом Малакия, и сам святой снова ступит на землю, чтобы открыть звезды и отправить дитя Порочного туда, где ему самое место – в небеса, лишённые Света Его.

«Собираатель легенд» преподобного Виктуса

Дарра была скверным местом по многим причинам. Во-первых, здесь добывали известь каторжники. Во-вторых, новая граница с Шором была слишком близко, и пусть между Даррой и Сантацио – предыдущей столицей, что теперь издевательски называлась «Новым Шором» – вздымались горы, шпионы заполонили эти места, как крысы – чумные кварталы. В-третьих, здесь всё еще обреталось множество суеверий и культов, что угрожали единственно праведной вере Бринмора в Доброго бога и его пророка.

А ещё Брок был отсюда родом. Ужасное совпадение, которое объясняло слишком многое.

Это были земли разбойников и мародеров. И все-таки Чонса радовалась, что стены малефикорума Дормсмута остались позади.

Путь сюда прошел как обычно: долго, муторно, пару дней они потеряли из-за метели, особенно не болтали – мешал зимний ветер и скрипящие зубы. Путники на тракте почти не попадались, даже грабители попрятались по своим логовам, и только ключники ползли сквозь снежные просторы, как собачья упряжка северян, а малефика на савраске трусила за ними. На привалах Чонса привычно насмехалась над Джо, пыталась разговорить Брока, но больше слушала и дремала некрепким и чутким звериным сном, после которого весь день болталась в седле из стороны в сторону, кляня носом.

Чонса не знала, кого они ищут до тех пор, пока не добрались до самой Дарры и не остановились в трактире. Аппетитно пахло рагу, – вроде бы даже на пиве, – или просто темным хлебом. Рот малефики наполнился слюной. Брок тут же попросил три миски ароматного варева, и чтобы одну порцию – для малефики – без мяса. Чонса сидела, скрыв лицо в капюшоне, чтобы в ней никто не признал ведьму, но это была бестолковая затея – все знали, кто путешествует в компании двух жёлтых плащей. Однако её просто не замечали. Дарра бурлила в преддверье праздника конца года, у простого народа слишком много дел: украшения, свечи, месса в церквушке, напиток с утра пораньше, и прочее.

Тарелку с едой поставили сбоку от Джо, парень сразу передал ее вместе с ложкой. Рагу без мяса оказалось пресным, водянистым и пованивало рыбой. Чонса глубоко вздохнула, но не станешь же сытой от одних запахов с кухни?

Когда служка обносил путешественников, Брок задержал его за локоть и задал вопрос, который малефике очень не понравился:

– Скажи-ка мне, малой, не проходили наши через Дарру на днях?

Чонса подняла взгляд от глиняной плошки. «Наши» – это значит неприятности. Ключники, как блудливые кошки, никогда не забывают дорогу назад. Если они не возвращаются вместе, значит, что-то случилось.

– Ваши? – Он непонимающе округлил глаза и почесал себя за ухом. Служка был лохматым мальчишкой лет тринадцати. Наверняка, как это бывает, родня трактирщика за стойкой,

может, даже сын или внук. Глаза у него были хитрющие, один косил. Нравились Чонсе его глаза. – Ой, да что-то не припоминаю.

– Ну, ступай тогда, – хмуро кивнул Брок. Джо уткнулся в свою миску, а Чонса выгнула брови, глянув на ключников с толикой того же непонимания, что и мальчишка.

– Он хочет, чтобы вы дали ему взятку, – пришлось со вздохом подсказать. От звука её скрипучего, будто простуженного голоса мальчонка вздрогнул, но закивал. Значит, еще непуганый, раз не сделал вид, что её нет. Или просто голодный до денег оказался. В любом случае, пару медяков он заработал и спрятал их в рукав с ловкостью карточного шулера.

– Ваши-не ваши, но жёлтеньким мельтешило недалече. Мамка жаловалась, что деньги с нас сняли, а сами отмечать пошли, животы набивать. Так что я не просто так денежку спросил.

– Взял налог за налоги, стало быть? – хмыкнула Чонса. Папаненок все больше ей нравился. Он учуял одобрение в девичьем голосе, надулся от гордости, а следом заметил тёмные знаки на лице и тут же потупил взгляд, а вскоре и вовсе испарился. Напитки им приносил уже сам трактирщик.

– Но мы не заказывали, – заметил Джо, на что мужичок уронил на него тяжелый взгляд и хмыкнул. Кажется, он боялся их больше, чем хотел это показать. Брок разлил по трем кружкам пенное темное пиво, горькое, как подгоревшая корочка хлеба и сладкое, как карамель. Чонса обняла кружку обеими руками и утопила в ней лицо.

– Не налакайся, Ищейка. Погода теплая, так что ночевать будем в седлах.

– Тем более тот мальчишка так чесался. Не хотел бы тут оставаться. – Джо отпил из своей кружки и поморщился от вкуса, повернув лицо к Броку. – Ну, Брок из Дарры, и куда местный люд ходит праздники праздновать?

– Развалины Йорфа. Дальше к югу, – сухо отозвался он, облизывая щетину над верхней губой от жёлтой пены.

– Йорф? Это очередной замок?

– Нет, это был город. Он разрушен уже не одно столетие и весь порос мхом и сказками. Местные считают, что там обитают призраки.

– Сколько идти?

– В такую погоду? Хорошо, если даррийцы вытоптали тропу. Идти в гору... Не знаю. Лучше спросить. Я давно здесь не был.

Брок оборвал разговор сразу, как его пустая кружка стукнула о стол. Джо проводил его непонимающим взглядом, а Чонса хмыкнула:

– Кажется, он чрезвычайно рад вернуться.

Её фраза повисла в неловком молчании. Джо не ответил, сделав вид, что слишком увлечен оставшимися в тарелке овощами. Чонса решила воспользоваться его задумчивостью, чтобы украсть в карман пару кусков хлеба.

Брок вернулся с мальчишкой-служкой, чьи лохматые вихры теперь прикрывала заячья шапка. В руке у него тускло блеснула монета с отверстием, когда он попробовал металл на зуб с видом, будто понимает в качестве или вкусе серебра.

– Нашел нам провожатого. Так что допивайте и в путь.

Чонса раздраженно отодвинула стул, поднимаясь с места.

– Кого ищем хоть? – буркнула она, накидывая на голову капюшон.

– Твоего друга.

– У меня нет друзей.

Брок хмыкнул, ни капли не удивленный её цинизмом. В конце концов, это была правда.

– Ну здравствуй, Брок. – Мужчина перед ними закрыл дорогу своей мощной фигурой. Возник словно из ниоткуда, испугал лошадей, а мальчика – Дина – довел до вскрика.

Старик вынул меч с неожиданной для него прытью. Одно движение руки – и острие застыло напротив горла странника. Чонса заинтересованно приподнялась на стременах.

– Не порежь моего пёсика! – раздался женский голос. – Лукас, нельзя! Чертов снег. Я бегу!

Мужчина откинул капюшон, открывая широкое бледное лицо. Дин изумленно ахнул, и не зря: волосы у него были белые, как снег, а глаза прозрачно-розовые. Он был альбиносом. Кожа, не тронутая солнцем, казалась светящейся, мороз вывел на ней сеточку сосудов. Он выглядел великаном, порождением льда, сошедшим с вершин гор. Женщина, вынырнувшая из-за занесенного снегом валуна, едва ли доставала ему до плеча, но в ней чувствовалась сила: то, как она взяла его за локоть и то, как аккуратно, одним пальчиком, отвела лезвие от шеи своего подопечного.

– Брок! Прости, я не могла его остановить! Как услышал, что в Дарру прибыл старик с ослиной задницей вместо лица, сразу побежал тебя встречать.

Чонсе она понравилась.

– Лидия. Где третий? – вместо приветствия отрывисто бросил Брок. – С малефиком всегда должны быть двое.

– Гилберт упал с коня и сломал ногу по пути на праздник. Поэтому мы пешком, ну этих тварей – клянусь, мой саврасый Василек попросту ненавидит меня! А Гилберт сейчас в Йорфе. – Она шагнула навстречу им, размашисто, уверенно. Лукас следовал за ней с медлительностью белого медведя, ленцой, свойственной всем крупным людям. Быть сонливыми – это прерогатива хищников, добыче же всегда приходится двигаться.

Лидия носила теплую повязку поперек лба, что закрывала уши и мешала тёмным волосам падать на лицо. Она протянула руку Броку, и тому пришлось спрятать меч в ножны, чтобы пожать ее.

– Чертовски рада видеть тебя целым и невредимым!

Её темные глаза ненадолго задержались на Чонсе. Это был внимательный, исследующий взгляд. Лукас улыбнулся открыто и широко, и Шестипалая ответила ему тем же. В последний раз она видела его лет пять назад, и с тех пор он будто бы стал ещё блее и уж точно – больше. Но малефика помнила его другим: перепуганным и с обожженной солнцем кожей, еще совсем мальчишкой, рыдавшим после «макания ведьм» так, что ей приходилось баюкать его на руках, как маленького. Ребёнок превратился в невероятно интересного молодого мужчину. Был совсем мальчишкой, слюни-сопли-слезы, а теперь челюсть такая тяжелая, что почти квадратная, хоть ледники ломай.

Чонса вспомнила, что ему дали прозвище «Молоко», довольно дурацкое, на её взгляд.

– Вы должны были вернуться в Дормсмут больше недели назад, – заметил Джолант. Ни Лидия, ни Лукас не были знакомы с ним, и если Лидия едва обратила на него внимание, то малефик оглянул юного ключника с нахальной ухмылкой.

– Завела любовника помоложе? Старина-Брок уже не справляется?

Чонса прыснула со смеху. Колючке шутка не понравилась – он дернулся вперед, касаясь рукой оголовья меча.

– Следи за своей пастью, ищейка!

Лукас опустил голос до шепота:

– Чувствительный мальчик.

– Даже чересчур, – ответила Чонса, хихикая – и к собственному удивлению заметила, что Лидия тоже изо всех сил сдерживала улыбку. Поняв, что попался на крючок, Джо стушевался и отвел взгляд. Брок словно и не слышал ничего, или же был слишком увлечен недоверием к своей сестре по цеху.

– Мы следили за закладкой непорочных мощей в стены Йорфа. Когда закончили, решили остаться на праздник. – Лидия помялась, поправляя повязку на лбу. – Прости, Брок. Это была моя идея. Гилберт согласился задержаться.

– Мощи в стены Йорфа? – Брок выглядел удивленным. – Кто-то вздумал отстроить это проклятое место?

– Да, граф Локк и сама королева выделили средства. Говорят, что это будет опорный пункт в грядущей войне. – Чонса непроизвольно напряглась от последнего слова, сцепив челюсти. Заметив это, Лукас положил ладонь на её руки. Она благодарно сжала её и почувствовала странный глухой импульс от его кожи, но не поняла природу этого ощущения из-за близости ключников с Костями Мира в серьгах.

Война – это пепел на зубах и алые перчатки, которые никто и никогда не шил на её шестипалые ладони. Хорошо, что Лукас не видел её такой, ему тогда и тринадцати не было. Возможно, не зря её хотели лишиться жизни в монастыре Святого Миколата. Тогда она была молода и яростна, срывала свою ненависть на любом человеке, на кого указывали, наслаждалась этим, но выдержит ли она то же самое снова? Прошло пять лет. Та Чонса погибла вместе с тысячами воинов. Её пепел развеяли над Девятью Холмами. Она была там, когда выросла Десятая гора – из сваленных одно на другое тел врагов.

Новая Чонса только-только привыкла к себе, закрыла на все замки память о прошлом и выкинула ключи. Думать о грядущей войне было все равно, что ощущать движение отмычки в обнаженном сердце.

– Ладно. В ногах правды нет. – Лидия потрепала за плечо старика и улыбнулась до приятных морщинок. Она была зрелой, опытной воительницей – на скуле шрам, седина в темных волосах. На взгляд Чонсы, ей должно быть около сорока пяти лет. – Праздник начнется через пару часов, подвезете до Йорфа?

Они согласились. Лидия разделила одно седло с Джо, а Лукас сел к Чонсе. Теперь альбинос держал её в руках, как игрушку. Как быстро растут дети – сколько ему сейчас? Семнадцать? Восемнадцать? Она почувствовала себя ужасно старой, запрокидывая голову на мускулистое плечо мужчины, которому когда-то крала ночью молоко с мёдом, потому что белокурый ребенок плохо спал и от кошмаров мочил постель.

Косоглазый служка, ни черта не понимавший в произошедшем, никак не мог перестать рассматривать Лукаса, даже сидя в седле с Броком вертелся и норовил повернуть голову. Старик в итоге не выдержал и зарычал:

– Дырку протрешь.

– Хочешь сесть со мной? Можем поменяться, – предложил Лукас с улыбкой, на что Дин сначала радостно подпрыгнул, но следом взглянул на татуировки на лбу малефика, вспомнил, кто он, и перестал вертеться до самого Йорфа.

Конец года – праздник, когда колесо совершает еще один оборот, и все радуются, что Великий Ключник позволил им провести этот год в благодати, без лишений, болезней и войны. И жители Дарры расстарались, все украсили факелами и флажками, а прилавки, выставленные вблизи полуразрушенных, занесенных снегом стен были полны праздничной еды из жареного теста и ягод.

О, что за место это было!

Чонса никогда не видела подобного. Белоснежные стены, высокие колонны и разноцветные осколки в узких окнах! Кто бы ни был древним строителем Йорфа, он мог бы многому научить современных архитекторов. От этого места веяло древностью, такой седой, что малефика ощутила себя незначительной пылинкой по сравнению с громадой валунов, башен и остатков строений. Что это было раньше? В честь чего здесь высятся эти строения? Кто тащил в гору камень за камнем? Это уже давно позабыто. Лестницы, ведущие к нескольким башенкам, наверняка были опасны для подъема. Зато площадь сохранилась почти в идеальном состоянии,

фонтан посреди нее, конечно, не работал, время и дожди сточили форму фигуры до неузнаваемости, но все равно было красиво. Местные убрали, как могли, снег, и засыпали его песком и соломой, чтобы удобнее было танцевать. Расчистив перед собой ногой, Чонса залюбовалась плиткой – маленькие кусочки мозаики складывались в невозможно изящный узор.

Играла музыка – лютнист и пара барабанщиков сидели под навесом, миниатюрная девушка тянула песенку, постукивая бубенцами на каблуках. Улыбки на лицах даррийцев были такими широкими, что не сошли полностью, даже когда они увидели желтые плащи. Служка спрыгнул с седла Брока и тут же пропал: так же ловко, как в его рукаве исчезли монетки в трактире.

– Не вижу Гилберта, – безразличный к действию перед ними, отметил Брок.

Ключница обменялась взглядом с Лукасом. Быстрым, осторожным. Альбинос кивнул. Чонса сделала вид, будто не заметила ничего, кроме запаха пирогов с вишней.

– Давай отведу. – Женщина коснулась плеча старика и лукаво улыбнулась, стрельнув глазами в Джо. Если бы взгляд был дротиком, он был бы отравлен сладостью следующих слов. – Твой помощник юн, но я уверена, что он справится с двумя пёсиками. Да, душечка?

Джо как-то глупо хлопнул ресницами и повернулся к Броку.

– Нет, ладно. Позже, – проскрипел старик.

Они бродили по празднику толпой, но не портили веселья местным. Уникальный случай! Даррийцы были пьяны настолько, что девушки заглядывались на молочно-белые волосы Лукаса и строили ему глазки. Какой-то мужчина с окладистой бородой угостил Чонсу горячим пряным медом и не взял плату. Никак в честь праздника, но ключники не приструнивали малефиков, переговаривались между собой и лишь иногда посматривали на своих подопечных с видом усталых родителей. Джо плелся в хвосте – слишком юный для Лидии и Брока с их опытом, слишком чужой для Лукаса и Чонсы. Малефики болтали о всяком разном, тихо и сердечно – ни о войне, ни об ужасах прошлого, больше про то, как Молоко вырос в такого быка и что за дурацкое у него все-таки прозвище. Легко было на душе. Спокойно и радостно.

Они сделали круг по площади и остановились у того самого бородача, что разливал по деревянным кубкам медовуху.

– Значит, Йорф будут отстраивать? – как бы между делом заметила Чонса, обмениваясь улыбками с медоваром. – Вы, наверно, рады. Это место выглядит красивым даже в развалинах.

– Рады? – Он басовито расхохотался и оглянулся на башню перед ними с таким видом, будто та задолжала ему. – Был бы рад, если бы это место на хрен снесли.

Он сплюнул в сторону. Прямо на вычурную мозаику, которая так восхитила Чонсу.

– Почему же?

– Это был языческий храм, – заговорщически поведал ей бородач, передавая чарку напитка подошедшему соседу. – Это площадь, вон там дальше было святилище.

– Где мы коней оставили?

– Ага. Там была такая глыба... Алтарь, да. Ентот алтарь мы, дарцы, побили много веков назад. Туда дальше – вон, видите ступени?

– Эти гладкие камушки?

– Да, они вели внутрь. Там стояла грома-адная статуя с тремя лицами. Говорили, они у статуи были совсем живые. – Он тягуче сглотнул и запил горькую слюну из половника, оперся на бочку и утер красную картофелину носа. Чонсе нравилось, как бесстрашно он общался с ней и не нравилось то, как маслянисто блестели его светлые глаза.

– Ересь, – тихо буркнул Брок. Чонса вздрогнула. Она и не знала, что он подслушивает.

– Тут и ученые ходили, говорили, мол, история! А как по мне – в лосиный зад эту историю, если тут до сих пор иногда...

Он замолк, зыркнув на ключников. Те как раз отвлеклись на разговор – Лидия отвела Брока в сторону, показывая пальцем на дальние колонны, где они, наверно, заложили мощи. Джо и Лукас были рядом – слушали.

– Что иногда? – не удержался Колючка. И снова Чонса вспомнила, что он молод и любопытен, как бывают дети.

– Порой находят здесь жертвы, милорд, – сбавил грубость в голосе медовар, когда обращался к жёлтому плащу. – Ничего такого – то козочка, то собачка.

– Почему не уведомили об этом церковь? – тут же свел брови Колючка. – Это же могут быть происки культа!

– Так все про то знают, – моргнул мужик и пожал могучим плечом. – Оттого, наверно, и решили они здесь всё освятить. Как знать, может, и поможет. Может, поможет.

Медовар отвлекся на подошедших к нему гуляк, и, чтобы не мешать, малефики и ключник отошли в сторону.

– Дела, – протянул Лукас, выдыхая пар вверх, – не слышал про это.

– А про что слышал? – Чонса допила мед и поставила кружку на закрытую бочку, где уже стояли одна в одной пустые чарки. От мёда у неё приятно кололи, немея, ноги и язык, а на вершине горы, обдуваемой всеми ветрами, стало теплее. Так близко к югу, и так холодно. Суровая будет зима.

– Да ничего. Мы сюда приехали с историком и архитектором, они отбыли уже. Ходили тут, ахали. Говорили, что башня астрономии сохранилась прекрасно. Вон она, самая высокая. – Он ткнул пальцем в постройку, которую Чонса до этого считала чуть более толстой колонной. Удивительно было, как такая вышка выдержала розу ветров, не сломавшись надвое. Прищурившись, девушка рассмотрела переходы с двухскатной крышей, что вели к ней.

Она почувствовала подбадривающий укол в копчик. Шило в заднице, сообразила она. От того, чтобы немедленно сорваться вверх, её отвлекло нападение. Прямо в её лицо толпа людей изрыгнула пару человек в звериных шкурах с рогатыми шлемами и звонкими рожками в руках, и они затрубили так громко, что заломило за ушами. Ещё сильнее загудела её голова, когда она ощутила кислый козлий запах от их одеяний. Черти захохотали и разбежались в разные стороны. Может, что-то в меде не то? Белена, мухоморы?

– Это языческие божки, – объяснил Брок, к которому они пробились, – беснуются, а потом появится мужчина в золотом...

– Смирение падших, семнадцатая глава, двадцатый стих, – перебил его Джо. – «И тогда Пророк стал опорой моей, вывел меня из тесных лап их на широту свободы и безопасности, и пали пред ним на колени изверги мои, и сделались светом».

Лидия улыбнулась ему.

– Такой хороший мальчик! Так бы и съела. Смотри, никак это пивная? Давай посидим, поговорим, пожалею песок в твоих костях.

Брок сурово заворчал, но Чонса успела заметить в его прозрачных глазах легкий намек на блеск. Лидия была очаровательна. Даже старик с тухлявым дуплом вместо сердца не мог сопротивляться её обаянию. Она снова увела Брока в сторону от танцующих к крытому уголку, где располагались лавки для отдыхающих и столы для голодных, рядышком исходили паром котелки с горячим. Лидия щелкнула языком, и альбинос поплелся следом, на прощание только стиснул плечо Чонсы.

– Ещё поболтаем, – пообещал он. – Нам многое нужно обсудить, Волчишка.

Чонса кивнула и оперлась на приваленную к стене бочку. Ноги налились алкогольной мягкостью. Исключительный шанс побыть в одиночестве (при этом в окружении толпы) сделал её груди тесно и колко. Так странно. Ей следовало бы радоваться свежему воздуху, который почти ощущался свободой, но она настолько привыкла к непрерывному надзору и обществу Колючки-Джо и сварливого деда, что веселья не случилось. Так что Чонса могла только с тос-

кой поглядывать в сторону пляшущих девушек и чертовски злиться на себя за это. Наверно, виной всему медовуха. Ей и думать нечего, подобное малефикам ни в коем разе не светит, ни один мужчина не согласится связать жизнь с кем-то подобным ей, да чего там, даже не пригласит на танец.

Она скрестила руки на груди, придавая своему лицу равнодушное выражение. Хотелось бы ей ни о чем не думать, танцуя. Хотелось бы иметь простую жизнь, лишенную такого обилия странствий и болезненного прошлого. Хотелось бы, чтобы кожа её была испачкана землей, куда она сажает семена, а не чернилами проклятых татуировок. Хотелось бы, чтобы у неё были полные женственные бедра, а не плоская от постоянной езды в седле задница. Хотелось бы.

– На тебе лица нет, – проговорил Джо. И давно он рядом? Да что у неё сегодня с наблюдательностью? Чонса, однако, быстро нашлась:

– Тебе заняться нечем? – Она сделала голос противным и сюсюкающим. – Взрослые не разрешают мальчику сидеть за их столом, вот он вокруг меня и вьется?

Джо хмыкнул, сядя на бочку. Это был такой мальчишеский и обыденный жест, что он немного сбил её с толка. Чонса заметила, что Брок, Лидия и Лукас заняли место за столом под навесом – старик сел лицом к ним и иногда бросал взгляд на то, как исправно Джо несет свои обязанности. Их уже обнесли, они потягивали что-то из кружек, оглядывались на служанку в вязаной шапке, когда та проходила мимо с чужим заказом. Чонса заметила, что щеки у Лидии красные от алкоголя. Возможно, стоило подсесть к ним, но Джолант не спешил тянуть её за поводок, тоже смотрел на танцующих, наклонив голову.

– Странное место для праздника.

– А там, откуда ты, празднуют как-то иначе? – Чонса не надеялась, что он ответит, но сегодня был особенный день, раз он первый завел разговор.

– Я родился в столице. До того, как ее перенесли к северу.

– В Сантацио, Новом Шоре? Должно быть, столичные праздники совсем другие.

– Да, – кивнул он. Его черные глаза приобрели мягкое, мечтательное выражение. – Везде огни, по улицам шествия ряженных, шутов и музыкантов. Люди сооружают подмости, которые несут по волоку от моря, на них сидят барабанщики и циркачи, что с огнем танцуют и дышат им. Везде пряное вино, горячее, и наливают его бесплатно. Сейчас там все по-другому.

Он, вдруг опомнившись, провел рукой по лицу вверх, откидывая пепельные пряди.

– Звучит волшеббно, – осторожно заметила Чонса. Ключник кивнул, и они какое-то время молчали. Он оглядывался на компанию желтых плащей, но те словно забыли о них. Даже Брок отвернулся, болтая с Лидией.

Чонса подумала, что это хорошая возможность перерезать своему стражу горло и быстро затеряться в толпе празднующих.

– Ты же не собираешься портить веселье?

Чонса моргнула. Джо повернулся к ней с усмешкой.

– Как ты...

– Прочитал твои мысли? Я думаю об этом же уже добрые десять минут.

Вот как?

Запрокинув голову, он разглядывал белые силуэты башен. На его губах блуждала ухмылка, и Чонса поняла, что он насмехается над ней. Что у него сегодня с настроением? Обычно он просто игнорирует её, лишь иногда откликаясь колко и холодно.

– Ты что, пьян? – спросила его в лоб. Джо засмеялся, звук был непривычный, приятный, но Чонса отошла в сторону. Он тут же поймал её под локоть.

– Нет, – сказал он, – просто ночь хорошая. Клянусь, никогда не видел звезды так близко.

Небо было замечательным. Ключники забрались высоко, гораздо выше Дормсмута или других крупных городов, утопающих в речных низинах. Над ними были тысячи звезд, сверкали они драгоценно, низко, складывались в гроздь созвездий, а где-то небо даже переливалось

нездешними цветами. Чонса могла различить лиловый, голубой и холодный зеленый благодаря своему дару, и ей внезапно стало очень жаль, что это не видит больше никто, только они с Лукасом.

– Интересно, а можно взобраться еще выше? – задумчиво протянул Джолант. Шести-палая поняла, что не только у неё имеется неугомонность в одном месте. Она улыбнулась в воротник.

Боги, какой же он все-таки ребенок.

– Башня астрономии прекрасно сохранилась, помнишь?

Джо кинул взгляд на Брока. Потоптался какое-то время, задумчиво покусал нижнюю губу и едва заметно кивнул ей.

Чонса подумала, что этот кивок немного похож на тот, которым обменялись Лидия и Лукас – словно движение головой – нож, что делит одну общую тайну на двоих, но эта мысль была быстрая и не успела отпечататься в разуме, только подарила тревожное чувство, которое Чонса спутала с радостью от происходящего.

– Пошли. – Он не отпустил её локоть, ступая в сторону башни.

Её улыбка выглядела точно такой же, что у девчонки перед ними, которую увел в танец молодой человек.

Они быстро взбежали по каменным ступеням. Первые несколько пролетов не было ни парапета, ни какой-либо опоры, кроме скользкой гладкой стены колонны. Белая лестница в темноте инфернально светилась. Она ведет в небо, очарованно подумала Чонса. Здесь почти не было огня, только отблески того, что на площади, потому она шла впереди, чуткая и внимательная, и выбирала, куда поставить ногу, чтобы не упасть. Нырнула в первый же проход и Джо потерял её из виду, настолько было темно. Ступеньки заледенели. Чонса в обнимку с ключником чуть не слетела вниз, как со снежной горки, но все же они поднялись на стену с узким переходом к самой астрономической башне.

Чонса уперла руки в бока и перевела дух.

– Разве это не удивительно? – Джо запрокинул лицо, желтый капюшон спал с его головы. – Йорф был построен, когда небо только закрыли на ключи. И вот мы здесь.

Чонса всегда сомневалась, что звезды возникли именно так, но не стала перечить. Не портить же редкие моменты благодушия, тишины, какого-то спокойствия в обычно лишенной подобных радостей жизни? На высоте можно было притвориться, будто это другой мир, где Чонса и Джо могли бы быть друзьями, исследователями старины или философами.

Проход к башне был очень узким, вдвоем не развернуться. Стена под их ногами имела скорее декоративное значение, чем охрannое, но с высоты были заметны остатки более крупных сооружений, которые сползали вниз, с обрыва. Грудой камней, наклоненных стволов сосен и вывернутых корней они исчезали во тьме, где на дне ущелья бурлила Тannая.

– Ого. Теперь понятно, почему никто не отстраивал Йорф, – увела тему девушка, – ну, до сих пор.

– Не скажи. Выгодное положение. Вон, посмотри. Река служит природной границей, а отсюда проглядывается весь берег. Никто не подойдет к Йорфу незамеченным. Девять Холмов в той стороне?

Джо думал, как стратег и воин. Пока Чонса видела красоты зимней природы, он видел преимущества в неизбежном сражении. Это раздражало. Что этот юнец знал о войне? В носу у неё зачесался запах жареной крови, воспоминание пятилетней давности. Чонса резко развернулась и зашагала по краю стены к башне, словно циркачка. Джо двинулся следом.

– Все жители Бринмора, и дарцы, думаю, считают, что Тannая – злая река. Она разъедает камень и горную породу, заполняет шахты и уносит жизни десятков. Полагаться на неё всё равно, что рассчитывать на благоразумие стихии.

– Ага, – хмыкнул он. – А еще они надевают козлиные шкуры и думают, будто река течет из тела убитого в горах великана. Он такой огромный, что его кровь все никак не вытечет. Страшные сказки.

– Спроси у каторжников, – дернула плечами Чонса. Холодный воздух кусал её кожу даже под одеждой, лица она уже почти не чувствовала. – Те расскажут про все ужасы подводных течений.

– А ты с ними общалась?

– Пару раз. Брока и Жанну просили как-то проводить в лагерь рабочих. Те слышали странное, подумали, что это шалости малефиков. Оказалось, работников отравлял газ, а не наш великий и ужасный разум.

– Жанна. Первый раз её вспоминаешь. Твой предыдущий ключник? Что с ней стало?

– Она теперь не боец – прострелила себе колени, – протянула Чонса. – То есть, нашла мужа и родила. Мир ей.

Джо тихо засмеялся, оценив плохую шутку.

Они чудом снова не упали на последних метрах, где кладка была совсем рыхлой, добрались до башни и какое-то время еще карабкались вверх. Вокруг было пусто, холодно и темно. Если тут и висели раньше какие-то гобелены, если стояла мебель, то местные уже давно все обнесли. На балках под самой крышей курлыкали худые голуби. Единственная комната наверху была круглой, выход на балкон оказался прикрыт потертыми каменными дверями. Они были украшены искусной резьбой: люди в профиль, в шлемах с плюмажами, невиданные звери и птицы, все они словно пытались вырваться из камня и ожить. Чтобы открыть двери, Джо и Чонсе пришлось навалиться всем весом, сдвигая нетронутый снег за створками. Но оно того стоило.

Вначале у Чонсы даже голова закружилась. Они забрались так высоко! С одной стороны – пропасть, но если повернуться налево и склониться над белоснежным парашетом, то площадь перед башней видна, как на ладони. В темноте руины города-крепости источали теплый свет. Потом малефика подняла голову, и все-таки не смогла удержаться от вздоха. Цвета, которые она видела внизу, здесь стали ярче, насыщенней, они переливались, двигались, менялись. Красота! Вот уж воистину – особенная ночь. Джо рядом тоже не мог удержаться от восхищенного:

– Ох! Они так близко, что я почти могу увидеть замочные скважины!

«Услышишь поворот...»

Чонса дернула уголок рта, унимая беспокойство. Ледяной ветер на вершине заставил её плотнее закутаться в плащ. Или это дрожь, пробежавшая по плечам? Особенная ночь. Хорошая ночь. Успокойся, безумная.

«Беги!»

Она испуганно оглянулась, уставилась вниз в поисках чего-то подозрительного, потому что чутье её никогда не обманывало. Там, внизу, наконец явился ряженный Пророк и козлиные шкуры с рогатыми головами попадали на землю. Люди зажгли фонари во имя Его Славы. Всё шло своим чередом.

Хорошая ночь. Праздничная ночь, благословенная Великим Ключником.

– Чонса. Что это?

Она непонимающе повернулась к Джоланту и увидела, что тот указывает в небо.

Цвета вспыхивали ярче и тухли, словно что-то пыталось вырваться. Неужели Джо тоже видит это? Движения ритмичные, похожие на биение сердца. Ночь зацвела алыми зарницами, хотя до рассвета было далеко. Небесный купол стал похож на тонкую скорлупу яйца, когда поднимаешь его к свету и видишь абрис зародившегося птенца.

Небо выглядело как что-то живое.

– Северное сияние? – растерянно сказала Чонса, сама в это не веря.

– На юге?

Благодаря нечеловечески острому слуху она уловила раздающиеся вздохи со стороны толпы. Они тоже заметили феерию красок в ночном небе. Но Джо, как и Чонса, не мог оторвать взгляда от этого настойчивого пульсирующего движения.

Малефика видела нечто подобное лишь раз, когда они плыли из Шора в портовый Ллойре (где её взяли под стражу и полгода держали в заточении в ожидании приговора), и под кораблем виднелись гигантские спины китов. Она вспомнила, что капитан сказал: морские чудовища их не тронут.

– Небесные киты, – шепнула Чонса, когда начала слышать странный звук, похожий на высокий колокольный гул, который то убывал, то становился громче.

Морские не тронут. А небесные?

– Нам надо...

Шок прошел. Его место заняла паника, такая сильная, что напоминала лихорадку.

Надо бежать.

Как волна обтекает поднимающегося левиафана перед его мощным вдохом, так небо описывало контуры темных плавников и хвостов. Погода испортилась, густые облака окрасились разными цветами, разошлись волнами. Даррийцы словно смотрели на поверхность беспокойного моря из-под воды.

Потом был этот звук.

Он не был похож на поворот ключа в замочной скважине. Скорее напоминал треск ткани, или то, с каким гулом раскалывается на части в горах ледник. Как будто кто-то приподнял всю землю и бросил ее, и она упала с грохотом миллионов камней.

Чонса с Джо рухнули навзничь, как от удара в грудь. Дверной проем озарился ярким светом, и когда они вновь выскочили на балкон, то увидели на сей раз настоящий ад. Внизу вопили люди. По небу же, рассекая звездную ткань, ползли сотни ужасных существ, похожих на странных насекомых, и сотни падающих звезд устремились вниз, одна из которых приближалась к ним с пугающей скоростью.

Они были алые. Похожие на кровавый дождь.

Чонса пришла в себя от удара по щеке. Сильного – и, судя по тупой боли в скуле, не первого. Джо перед ней был бледен и ужасно напуган. Она почувствовала кровь на своих висках и растерянно посмотрела на ладони. Под ногтями было красно. Она вцепилась себе в лицо?

– Ты кричала.

– Что?

– Ты кричала, что нам нужно бежать.

Только тренировки и выучка позволили Чонсе бежать так быстро. Девушка с пухлыми бедрами, сажающая в саду семена и танцующая в ночь конца года, так бы не смогла. А она – бежала. Проклинала свои органы чувств, закрывая уши и болезненно морщась, но бежала.

Слишком много всего... Чужой ужас, этот звук, эти цвета, всего этого было слишком много. Чувства сгибали её, заставляли жмуриться. Ей было страшно. В конце концов она упала, Джо догнал её, обхватил поперек талии и понес. Он бежал вниз, к площади, добравшись – перепрыгнул через чье-то затоптанное тело, в котором Чонса запоздало узнала косоглазого служку, по его заячьей шапке – из неё выкатилась серебряная монетка. Она увидела пятна крови на земле и то, что мальчишка был не единственной жертвой беспощадной толпы. Паника. Шум в ушах. Кто-то перевернул стойки с факелами. Солома вспыхнула, огонь пополз по стенам, загорелись стропила, что поддерживали строения. Лишившись опоры, покатались камни. Истошно плакал ребенок, потом резко перестал, кто-то походя больно ударил Чонсу локтем в живот, толкнул, их с Джо закрутило в толпе, словно две попавших в водоворот соломинки. Кто-то наклонился поднять монетку. Его затоптали. По небу ползли огненные кометы. Гул. Слишком много. Боль!

– Заткнитесь все! – закричала Чонса, падая на колени. Слезы текли по её лицу. Страшно. Больно! Мамочки! Монетка... Феликс говорил – беги, а её ноги дрожат, как у олененка. Она не может. Облака резали существа, и они не были похожи на китов, киты красивые, а эти...

Она умрет здесь!

Нагромождение крыльев, лап, клыков и щупалец, гигантские насекомые, чьи тела сверкали в сполохах небесного огня. Облака, красные облака, тяжелые от скопившейся крови. Эти вопли – небо словно в родовых потугах исторгало из себя все новые и новые кошмары. Страшно! Крик. Несколько человек рядом с ней рухнули без сознания.

Внезапно стало светло как днем. Чонса прищурилась, ослепла, увидела перед собой два темных пятна на белом и забрызганном красным – Джо держал её лицо в ладонях, заставляя смотреть на себя. Она жалобно замычала.

– Нам надо спрятаться! – закричал Колючка ей в ухо. – Спрятаться!

Прятаться было негде. Конец света оказался похож на сказки вроде «Центурий».

– Джо! Ищейка! – От Брока пахло кровью и пивом. Он накрыл их плечи руками, высокий и сильный – и Чонсе показалось, что это первое и последнее их объятие. Но вместо нежностей и слов прощания старик кинул их в сторону обрыва. Чонсу поймал Лукас. Обнял. Она прижалась к его груди, он сцепил вокруг неё руки и что-то зашептал на ухо, быстро и сбивчиво, потом сделал шаг назад. Шестипалая не разобрала ни слова.

Из-за рёва пламени, визгов небесных тварей и людских криков не все и не сразу заметили еще один звук. Тот, с которым с горного перевала над ними сползало белое облако снега, льда и камней.

Земля сотряслась. Удар от столкновения небесного тела с этим миром был слишком мощным.

Всё закончилось быстро.

Глава 4

Цветок забвения

Все мы знаем историю о мальчике Ронни, герое сказок, что был способен криком оглушить великана. Немногие знают, что Рональд, исторический прототип героя сказки, однажды завопил во время ссоры и убил свою жену. К тому времени ему было пятьдесят лет и ни до, ни после этого никаких более талантов он не проявлял.

Известные всем нам малефики могут то, на что не был способен Рональд – контролировать себя. Они проходят обучение и сражаются на стороне людей до тех пор, пока рассудок не покинет их. Известно, что немногие малефики доживают до двадцати пяти лет, более сорока процентов умирают либо своей смертью, либо от мечей своих стражей.

Более сильные экземпляры имеют уникальные дары, что, как я считаю, зависит от особенностей мутаций и/или черт личности. Увы, многие из них были убиты во время глупой войны с Шором. Сейчас количество таких малефиков можно исчислить дюжиной. Очевидно, они более живучи.

Я предполагаю, есть и другой уровень способностей. Более высокий. На что же способны они?

Знаете, мне не нравится слово «малефики». Оно предполагает наличие какой-то мистической, дьявольской силы. Я же считаю, что все прозаичнее. Это что-то на уровне крови, жил, соединений клеток.

В своих исследованиях я буду называть их носителями гена, который Церковь отчего-то держит в секрете.

«Природа малефеция» авторства Стефано Торо

Почему первой всегда приходит боль? Проклятый закон. Почему не память, почему не запах домашнего пирога, не звук лютни?

Всегда она. Всегда боль, её старая знакомая. Боль и голос:

– Мне жаль, но ногу отрезать. Слышишь меня, *леле*? Вот и славно. И не приходи в себя. Следом за голосом – звук, с которым пилят кость. От него заныли зубы.

Чонса разлепила ресницы, что далось ей не сразу и не так просто. Движение глаз под веками – это мука, голова болела до последней кости, до каждого нерва. Кажется, она еще и прикусила себе язык, и он, распухший, ворочался во рту мертвой рыбой на волнах дыхания. Мир плыл кольцами света, Чонса смогла различить в игре пламени лохматое существо, склонившееся над чем-то, откинувшее что-то в сторону. Ворвался шум, и она удивилась, как раньше не расслышала грохот воды. Девушка сухо сглотнула, по ощущениям – горло расцарапал в кровь ледяной сырой воздух. Она застонала.

Существо оглянулось. Это было из-за жара или больного рассудка, но во тьме глаза у него горели, как у дикой кошки. Два жёлтых кругляша сощурились, существо что-то сказала – Чонса не расслышала. Чонса снова потеряла сознание.

– Она прекрасно справилась.

Я не верю ему. Не поверю, пока не увижу её живой и здоровой, насколько это возможно в лазарете. Феликс еле за мной поспевает, я слышу его шаркающие шаги, но не сбавляю скорость даже в угоду его возрасту. Знакомая мне дверь обшита железными полосами, скрипит как кашель в груди престарелого наставника, когда я её открываю. Ряд сколоченных коек благоухает хвойной смолой, одна от другой закрыта ткаными простынями, и все пустуют,

кроме той, где лежит ребенок. Стражи на входе подпрыгивают с лавок при моем появлении, но Феликс просит их успокоиться, пока я прохожу в помещение. Здесь холодно, но кровать малышки греет угли в маленькой жаровне. Рядом табурет. На табурете дремлет человек.

– Брок?

Старика застigli врасплох, он вскидывает тусклый взгляд и не сразу осознает, что перед ним викарый. Брок поднимается и кланяется, а я без сантиментов оттесняю его в сторону. Девочка просыпается, моргает, когда я убираю с её лица белокурые кудряшки. Хвала всем богам, Феликс не соврал мне. Она и вправду цела.

– Привет, маленькая.

Она неуверенно улыбается, перехватывая мою руку за запястье.

– Как ты, Кэйлин?

Девочка сжимает брови, по-птичьи наклоняя голову к плечу. Я замечаю следы перенесенного: как красна пуговка её носа, как белы пухлые щеки и темные веки. Лоб её блестит от испарины. Я поясняю с улыбкой, подтягивая табуретку ближе:

– Ну, ты так и не сказала нам своё имя, верно? Поэтому я попросила Феликса называть тебя так. Это означает «котёнок».

Она улыбается шире. Мужчины отступают в сторону, чтобы не мешать нашему воркованию. Я немного рассказываю ей о том, как будет устроен её быт после того, как она поправится, говорю, что я была на её месте и прочие глупости для успокоения то ли ребенка, то ли своей совести. Во время болтовни даже хитростью заставляю её съесть не самый вкусный овощной суп (она морщит нос), и, наевшись, Кэйлин начинает сонно моргать.

Я сижу с ней, пока она не засыпает. Меня охватывает приятное тёплое чувство – словно в моей груди стало больше места.

– Наигралась в дочки-матери, Ищейка? – хмыкает Брок. – Я думал, до тебя еще с первого раза дошло.

Кровь обращается в лед. Я поднимаю на Брока взгляд и вижу в его глазах отражение зеленых тлеющих искр. Не будь на нем проклятого артефакта, его мозг вытек бы из ушей, как мед из переполненных сот.

– Забудь про эти глупости. Тебе всё равно не суждено.

– Заткнись, – тихо шепчу я сквозь клыки. – Закрой свою вониючую пасть.

Я думаю: чтоб ты сдох. Чтоб ты сдох.

– Свалились на моя голова!

Существо – женщина. Чонса узнала это по грудному голосу со знакомым произношением, а ещё по прикосновениям. Только девушки умеют касаться так легко, ободками заостренных ногтей снимая тонкую корку с ран – почти не больно, скорее щекотно. Кажется, она чем-то их опоила. Было тепло. Когда Шестипалая попыталась открыть глаза, девушка зашипела, прижимая повязки к глазам ладонью.

– Ну-ну, тише! Стараться уснуть. – Её голос был мягким, по-матерински успокаивающим. – Чудо, что вы выжили.

– Мы... – Чонса не узнала свой голос. Он и до того не казался ей приятным: резкий и сипловатый, а сейчас было чувство, что вместо воздуха она толкала по горлу водопад скрежещущих камней. Водопад камней. Они выжили после лавины? – Сколько...

– Я найти лишь тебя с пареньком. – Резко запахло травяной мазью. Она таяла, соприкасаясь с кожей, щипала, но Чонса не жаловалась, только поджала потрескавшиеся губы. – Вы оказаться в моя пещера. Это хорошее место. Я должна помочь.

Это Чонса вытащила их?

– Не помню. Ничего не помню.

– Имя помнишь?

– Чонса. – К её губам прижался край посуды, а малефика была слишком слаба, чтобы сопротивляться. Она сделала глоток нагретой на огне воды и закашлялась. – Ты чудно говоришь. И глаза у тебя странные.

– У тебя странный путь благодарить за помощь, Чонса, – насмешливо фыркнула девушка. Где-то рядом, почти у самого уха раздался шипящий вздох, а следом – полный боли стон, и шорох, с которым их спасительница переместилась ко второму больному. – Твоему парню не повезло, Чонса. Река отгрызла ему ногу.

– Река?

– Злая река. Она течет...

...из тела великана...

У воды оказалось странное послевкусие. Глаза Чонсы были по-прежнему закрыты, но она увидела цвета, блики пламени на своих щеках, вороньи перья в волосах врачевательницы. Они шевелились, каркали, смотрели на неё темными бусинами глаз.

– Что ты дала мне?

– *Хул гил*, – ответила девушка. – Спать.

«Цветок веселья» – где Чонса слышала это? Ей потребовалось нырнуть в память о сладком привкусе, вдохнуть глубже запах – как она раньше его не различила? От незнакомки тянуло солнцем, шафраном, глиной и сахарным тростником.

Чонса убивала людей, которые так пахли.

– Ты из Шора, – последнее, что сказала малефика. Хул гил подействовал, её забрал сон.

В этом сне Чонса умерла вместе со знакомым ей миром и Лидией, по горлу которой прочертил красный росчерк ножа.

Кто держал его? Память не признается.

Лавина накрыла их не сразу, вот что она вспомнила. Вначале было предательство.

– Лукас, ублюдок! – закричал Брок. Проклятый старик не оставлял её даже во снах. Перед взором Чонсы возникло лицо – печальное и блаженное одновременно. Кожа белая, как луна и молоко, но она не помнит, чтобы у него были веснушки. Здоровяк трется щекой о своё плечо – и веснушки превращаются в линии. Это брызги крови на его лице, сообразила Чонса.

– Мы хотели сбежать вместе, – произнес Лукас тихо, с какой-то страшной улыбкой, извращающей его мужественные черты. – Даже убили уродца Гиля! Вместе! Лидия говорила, что мы уйдем, но завтра, завтра, завтра. Старая дура! Что ей было от меня нужно? Я грел её постель, я заботился о ней, а она... Нерешительная старая сука! – И он толкнул её тело ногой. Чонса отшатнулась, и он впился в неё. – Ты не понимаешь, Чонса, моя родная Чонса? Грядет новый век. Новая война. Эра беззакония, как обещали сказители! Волчий век, твой век, Волчишка! Убей их, и давай вместе войдем в этот новый мир!

Предательство – и безумие, потому что Лукас спятил, совершенно чокнулся. Мальчик, которого она убаюкивала после испытаний, стал убийцей и протягивал ей окровавленную ладонь. Он так глубоко разрезал горло очаровательной Лидии, что Шестипалая разглядела розовые рубчики её позвоночника.

Чонса – между двух огней. С одной стороны люди, что держали её на цепи, которые лишили его шанса на счастливое будущее и готовы были выкинуть Чонсу, стоило проявить слабость. С другой – человек, который всегда поддерживал её, черт, они же вместе росли, она вытирала его слезы и целовала в белоснежную макушку на ночь, и позже – улыбающийся ей и насмехающийся над её «молодым любовником». Протягивающий ей окровавленную ладонь.

Это выбор, делать который у неё нет времени, ведь безумный Лукас прав, и мир рушится, и между ними падает тварь. Кажется, именно тут сознание и рассудок изменили Чонсе, стерли это воспоминание из её памяти, как промокашка убирает лишние чернила. Она не могла вспомнить, на кого это создание похоже, его строение или то, что оно совершило потом.

Помнит только, что кричала.

Удар, удар, кровь. Брок – старый худой медведь – не растерялся, атаковал, рычал так, что перекрикивал шум столкновения миров. Она видела его долговязую поджарую фигуру на фоне белого огня – плащ порван, седые волосы усыпаны пеплом, с меча тягуче стекает что-то вязкое. Слышала, как воет Лукас, он сжимался в комок боли у тела существа, что спустил на них Марвид в эту проклятую ночь.

– В сторону!

Момент просветления:

– Бери мальчишку и уходи. – Старик стискивал её плечо, отчаяние пылало в его глазах. Над ними – огромная тень с распахнутыми лоскутами крыльев, истекающая пеной морда, еще пару мгновений – и им конец. – Запомни: Джо должен выжить! Во что бы то ни стало, доставь мальчишку живым в столицу. Я задержу их.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.